

СОН СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

СЕРГЕЙ ШОРГИН

СЛУЧАЙНЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

Стихотворения

Водолей Publishers
Москва — 2008

ББК 84Р7-5
Ш79

Послесловие *Евгения Витковского*

ISBN 978-5-9796-0017-8

© С. Шоргин, 2008
© Е. Витковский,
послесловие, 2008
© Водолей Publishers, 2008

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

По существу, это вторая моя «серьезная» книга стихов. Первая книга – «Зеркало дороги» – вышла в 2005 году также в издательстве «Водолей Publishers». В новую книгу включены те из стихотворений, написанных с 2005 по 2007 гг., которые кажутся мне наиболее важными.

Эту книгу, как и всё, что я делаю, я посвящаю своей жене Ирине.

Я благодарен Евгению Витковскому – и за то, что он всегда уделял большое внимание моим стихам, и за то, что он одобрил и поддержал эту публикацию. Кроме того, я благодарен моим друзьям, которые обсуждали со мной эти стихи, помогали в их редактировании, а в некоторых случаях – «подсказывали» темы для моих стихотворений. Назову далеко не всех: Мадлен Бейлина, Анна Белкина, Валентина Ботева, Ольга Гришина, Юлия Драбкина, Евгения Канищева, Ольга Кольцова, Елена Лазарчук, Ирина Майгурова, Ирина Морозовская, Татьяна Осетрова, Ирина Полякова, Юлия Рабинович, Татьяна Разумовская, Елена Тверская, Сергей Александровский, Евгений Арутюнов, Александр Асманов, Анатолий Белкин, Василий Бетаки, Никита Брагин, Барри Вершов, Валерий Вотрин, Александр Габриэль, Имануил Глейзер, Павел Гольдин, Олег Горшков, Сергей Гринберг, Вадим Зеленцов, Сергей Касьянов, Владимир Коркин, Андрей Моисеев, Семен Островский, Давид Паташинский, Олег Пеллипейченко, Яков Подольный, Михаил Сахаров, Юрий Смирнов, Сергей Шелковский – перечислить всех всё равно не удастся...

1. ГРУСТНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

* * *

То, что пишем, – это только предисловие,
А читаем, безусловно, послесловие.
То суровой жизнь бывает, то здоровее,
Но никак не получается толковее.

Что отыщется главней и изначальнее,
Чем погод и расстояний одоление?
Нет на свете сочинения печальнее,
Чем обыденных обид перечисление...

Вряд ли кто-то нас побалуует щедротами –
Разве сами, коль найдется настроение.
Нет волшебников под нашими широтами,
И налогом облагается дарение...

Солнце в уличных разливах отражается,
Расширилось пернатое сословие,
Дождь закончился. Маршрутка приближается.
Всё, что было, – это только предисловие.

ПОСМОТРИ В ГЛАЗА ПРОХОЖИХ

Надо вечно петь и плакать...

Н. Гумилев

Ты лучи хранишь во мраке,
        прячешь светлый дар под спудом –
Скрипки нет, и кисть сокрыта,
        и утеряно стило, –
Хоть один на целом свете
        ты таким владеешь чудом,
Хоть душа твоя готова
        подарить другим тепло.

Никому твой дар не нужен.
        Ты – непрошенный даритель.
Давит день, морочит сумрак,
        ночь, как патока, вязка.
Ты идешь в ущелья улиц,
        словно в клетку укротитель,
Там тупая злоба взглядов,
        в них усталость и тоска.

Не чудовища, а люди
        для тебя – причина дрожи,
Хуже огненного ада –
        блеклых глаз холодный ад.
Но иди навстречу аду,
        посмотри в глаза прохожих;
Верю – душу не остудит
        их ленивый, льдистый взгляд.

* * *

Не соперник поэтической элите,
Не участвую в забеге и регате...
Вы, друзья мои, друзья мои, хвалите!
Вы, друзья мои, друзья мои, ругайте!

Вразумляйте, я прошу вас, вразумляйте,
В несуразность, умоляю, носом ткните,
Поправляйте, поправляйте, поправляйте!
И порой, хотя бы редко, оцените...

Не поэты мы, конечно, не поэты;
Не белинские, по счастью, не зоилы.
Так ругайте – и спасибо вам за это,
Так хвалите – но, прошу, не через силу.

Я подправлю, переправлю, я исправлюсь,
Что-то выкину, а что-то – в долгий ящик...
Я прибавлю, переплаволю, я понравлюсь,
Станут строчки – даже вроде настоящих.

Поступаю я, возможно, очень худо,
И, наверно, вас порою беспокою
Тем, что слишком берегу свои этюды,
И корзина далеко, не под рукою...

Нарушаю я науку стихоплетства
(А наука эта знает много гитик).
Ваша критика – образчик донкихотства.
Я же слаб – и никому не буду критик.

6

* * *

Ольге Кольцовой

На небосводе – предрассветный глянец...
Въезжает в столичный город пилигрим,
Не похваляясь именем своим,
А молча. Значит, он не самозванец.

И так ли важно, конь или осёл
Под ним – возможно, даже и ослица!
Никто не взглянет, не возвеселится
И не накроет под платаном стол.

Но дым из кухни путника поманит,
И он подъедет к старенькой корчме;
А ветхий свиток, спрятанный в суме,
До времени и доставать не станет.

И для кого написаны слова
На этом свитке – он и сам не знает.
Но каждый день в чернила окунает
Перо – для совершенья волшебства.

И под пером растут до неба травы,
На свитке раскрываются цветы,
Влетают и садятся на кусты
Птиц разноцветных звонкие оравы.

7

Но это – лишь когда другие спят...
Будь это колдовство его раскрыто –
Он был бы взят под стражу деловито,
Сожжен, повешен. Может быть, распят.

Но всё же продолжается шаманство,
Запретная и тайная волшба...
Слагать слова заветные – судьба,
А звание поэта – самозванство.

ВДОХНОВЕНИЕ

Искать вдохновения всегда казалось
мне смешной и нелепой причу-
дою: вдохновения не сыщешь; оно
само должно найти поэта.

А. Пушкин

Очень древнее откровение
Нынче вспомнилось отчего-то...
Ходит грустное вдохновение,
Ищет в сумерках стихоплета.

Если этот к подарку тянется,
А в глазах у того досада –
Значит, этому не достанется,
А тому – и вовсе не надо.

А порой оно наплутается,
Но напрасна его запарка:
Тот, кому оно причитается,
Сам скрывается от подарка.

Вдохновение в двери тычется,
Но доходят дурные вести:
Нет на месте того, кто ищется, –
Он в запое или в отъезде.

Значит, ждет чудака забвение,
Не скакать ему на Пегасе...
И печальное вдохновение
В темноту идет, восвосяси.

Но, как прежде, ретиво рвение
Не оставить мир без призренья:
Вновь стучится в дверь вдохновение,
Словно с ордером на творенье,

Снова где-то счастливчик прячется:
Где искать такого чудного?
Не найдет поэта – расплачется,
Но другим не отдаст ни слова.

А другие бессонно пялятся,
И порой начнут куролесить:
Соберутся вдруг и навалятся,
Сразу трое, а может – десять.

Прибегут, набросятся гении,
Одичавшие без идеи,
Руки выкрутят вдохновению,
Станут дар отбирать, злодеи!

Но подарок не отбирается,
Не помогут напор и сила.
И стоит поэт, озирается:
«Вдохновение... Рядом было...

Возвратись на одно мгновение!
Покажись, хотя бы немного!..»
А побитое вдохновение
Приползет к моему порогу.

Все симптомы бронхита острого;
Прохрипит: «Помоги! Скорее...»
Не мое оно – ну и что с того?
Пожалею его, согрею,

Забинтую и горло вылечу;
В чашке – чай, и блюде с каемкой...
Обретет оно силу-силищу
И уйдет со своей котомкой,

Исполняя предназначение,
К тем, кто нынче совсем бездарен.
Им оно нужней, вдохновение.
Ну а я – как-нибудь... Не барин.

10

ВОЛНОЛУНИЕ

Елене Лазарчук

Если леньность бессловесная
Подступает не впервой –
Волнолуние чудесное
Пусть накроет с головой.

Там, как берег неминуемый,
Песня ждет тебя в тиши,
Красоты – неопикуемой...
Так что лучше не пиши.

Чтоб незвонкою монетою
Не рассыпаться по дну,
Постарайся песней этою
Не нарушить тишину,

Не кричать и не кручиниться,
Померить пыл и прыть.
А еще бы – съесть чернильницу
И чернилами запить.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Хоть это странно и удивительно,
И абсолютно необязательно, –
Стихи чужие читаю длительно,
Стихи чужие читаю тцательно.

11

В них – обретенья и разорения,
В них много чувства, чуть-чуть манерности;
В словесной вязи – узлы прозрения,
И трудной веры, и легковерности.

Струятся строки без понукания,
А автор тихо идет сторонкою...
Но боль синее сквозь стихотканье,
Как будто жилка сквозь кожу тонкую.

* * *

В сокровенную книгу войду, как в покой,
И строфу затвержу, как урок.
Проведу, не боясь занозиться, рукой
По густому штакетнику строк.

За штакетником нет горделивых хором,
Эти строки – не пышный забор...
За штакетником тихо блеснет серебром
Предзакатный озерный простор.

Между строк погляжу, и строфу повторю,
Птичий отклик услышу в листе,
И калитку найду, и ее отворю,
И на берег пройду по траве.

* * *

Коль занялся подобным ремеслом –
Изволь блюсти законы ремесла:
К поэтам причисляют (поделом)
Тех, кто в стихах раскроется дотла.

Я на себя так много не беру –
И на поэта, видно, не похож:
Играю я в словесную игру,
В стихах не раскрываясь ни на грош.

В стихах моих так мало существа –
Не исповедь, а просто баловство...
Как кубики – и рифмы, и слова;
Играю – и не более того.

А если вам понравится порой,
По вкусу будет эта болтовня –
Следите за рукой и за игрой,
Но не ищите среди строк – меня.

Зашелестят страницы в словаре;
Слова проснутся, выглянут на свет,
Построятся, послушные игре,
Размеру, сочетанию планет...

Растут стихи, не ведая стыда
(Простите за цитату, господа –
Сама пришла...); но главная беда –
В них «правды жизни» нету никогда.

Вот эта правда: в час, когда темно,
Войти во двор и снова увидеть
Над головой знакомое окно –
Восьмой этаж, квартира двадцать пять –

Убежище, отечество и свет,
Опору, не подвластную словам...
А больше у меня секретов нет –
И потому их не открою вам.

БЕЗ ПОВОДА

Стихи «по случаю» не пишутся,
Им даты с поводами побоку.
Пускай слова толпятыся, пыжатся,
Взмывают пузырями к облаку –

Нагрянет ветра дуновение,
И взлет немедля прекращается,
И слов услужливое рвение
В стихи никак не превращается.

И не помогут ухищрения
Строкам, просящим подаяния:
Они грешны от сотворения,
Да и умрут без покаяния.

ЛИТЕРНАЯ МГЛА

Нам каждый шрифт уже претит, как плесень
или прель:
И корпус врет, и врет петит, и лжива нонпарель.
К чему на литеру взирать со всех ее сторон?
Умеет цидеро приврать – почти как Цицерон.

Те, кто возьмется изучать в грядущем наши дни,
Скрывать не станут и молчать – всё выскажут они;
Сквозь толщу вековых пластов увидит род людской,
Что буквам нынешних шрифтов нет веры никакой.

Двуличны буквы, неверны, клеймо у них на лбу,
Но мы – глупцы и болтуны – в них верим,
как в судьбу,
И мы на карту ставим их и сыпем в борозду –
Чтобы в конце времен любых призвали их к суду.

И скажет неподкупный суд: «Напрасна канитель!
Пусть корпус врет, петиты врут и лжива
нонпарель, –
Шрифты не выбросим, браня, не свалим их в углу:
Струится свет былого дня сквозь литерную мглу».

ПОЛЕТ

Как это все-таки нелепо – душой исполненный
полет:
Мы бьемся душами о небо, как рыбы тушами о лед.
Взлетаем – падаем из тучи – и продолжаем
круговерть...
Но те, кто более летучи, порою пробивают твердь.

Легко ль дыру проделать в своде? Глядишь –
и верится с трудом:
Они пробились! На свободе! Взлетают над
лазурным льдом,
С собою взяв свои химеры, надежд упрямую
тщету...
И не находят атмосферы. И застывают на лету.

Рты открывают полусонно; с последним взмахом
плавника
На небо падают беззвонно – и в лед вмерзают
высока.
Луна их одевает в ризу, венчает тихая звезда...
А мы их видим, видим снизу – недостижимых
навсегда.

ЖИВОПИСЦЫ

У этих повинность, у тех корысть,
у всех привычка к мазне –
Но каждый берется за старую кисть
и пишет слова на стене.
У кисти этой щетина врозь,
и каждый мазок – сюрприз:
Порою слова прожигают насквозь,
порою стекают вниз.
Как часто бывает замах не высок –
но чаще рука не тверда –
И падают капли слов на песок,
и нет на песке следа.
В дело идут волшба и божба,
но в них не каждый мастак –
И вновь написана чья-то судьба
неверно, неладно, не так.
Видать, помешало бревно в глазу
или спущены рукава –
И люди ползают там, внизу,
пытаясь собрать слова.
Но судьбу не собрать из упавших частей,
как из дощечек паркет:
Она – мозаика для детей,
где пары деталек нет.
Никто не узнает, по чьей вине
его судьба неполна...
А где-то выше на белой стене
чужие горят письма.

И кто-то вытрет о стену ладонь,
оставив смазанный след..
О, этот неверный ясный огонь.
О, этот недолгий свет.

ЭСКИЗ

Огромный подрамник – четыре угла:
Два в небе, а два на земле;
Грунтовка лазури гладка и тепла,
И кисти лежат на столе.

Вот первый – и самый небрежный – мазок
Бросает на холст белизну,
Без всякого плана, вот так, на глазок,
Рисуя дневную луну.

Затем набирается краска опять –
И в западной части холста
Настала пора облакам воспарять:
Теперь высота не пуста.

И смотрит в глаза золотая весна,
И кисть золотая в руке –
И вот уже солнце в углу полотна
Желтеет в своем высоке.

Но ветер влетит в ателье, шелестя,
И вечер заглянет, незван,

18

Картину с подрамника снимет, кряхтя,
Свернет и засунет в чулан.

* * *

Нам кашу незачем размазывать – у нас не мелкие
масштабы,
А если нечего рассказывать, то надо выдумать
хотя бы,
Быть на ноге короткой с вечностью, держать
столетья на прицеле
И поражать чистосердечностью – хотя бы пару раз
в неделю.
Чтоб быть невылазно на саммите, готовы мы
вершить без ропота
Раскопки в наслоениях памяти, хождения
по дебрям опыта.
И помогает наше рвение – мы удивительно
везучие! –
Во тьме нащупать вдохновение, сыскать мелодию
в беззвучии.
Мы не лентяи, мы стараемся – и обойдемся
без медалей;
Краснеть за ложь не собираемся – она реальнее
реалий.
Пусть слово явится уликою для привлечения
к ответу –
Заплатим цену невеликую: Харону мелкую монету.

19

OMNIA MEA MECUM PORTO

Я всё свое несу с собой,
Других собой не беспокою,
И ни слезой, ни похвальбой
Не поделюсь я со строкою.

Не распинаюсь на листе,
Рубаху рвать желанья нету,
Не дам сороке на хвосте
Секреты разносить по свету.

Пускай читатель-визави
Горящих слов взыскует жадно –
Не напишу я о любви.
Писал два раза – вот и ладно.

Пускай значительный поэт
Мне снова объясняет это –
Мол, там, где исповеди нет,
Там нет серьезного поэта, –

Но столько интересных тем
Есть на земле для воспеванья...
А о себе писать – зачем?
Для поэтического званья?

Увы, пишу я не о том,
И не получится иначе.
А званья раздадут потом.
И не дожить нам до раздачи.

20

ТВОЙ ГЕРОЙ

Если темы не можешь найти порою –
Сокрушенья не выражай,
А придумай лучше себе героя
И отправь его – за Можай.

Даже можно подальше – его не жалко,
За него не болит душа;
У героев придуманных есть закалка,
Если их творить не спеша.

Пусть зовется он – Големом, Буратино;
Галатеей можешь назвать!
(Только это всё для тебя – рутина,
Ты приемы знаешь на «ять»...)

Пусть едят его поедом мироеды,
Волки пусть грызут по лесам;
На него в сочиненьи свали все беды,
От которых избавлен сам.

Он не станет плакать – ненастоящий,
У него здоровый настрой.
Как удобен уступчивый и молчащий
И на всё готовый герой!

Он судьбы полегче и не захочет,
Верность воле твоей храня...
Но на самом краю скажет: «Отче! Отче!
Ты зачем оставил меня?»

21

КОНЦЕРТ

Александрю Габриэлю

Шансонье, ты выходишь к обрыву, дрожа,
И за воздух хватаешься, глядя в партер:
Смотрят взоры смятенные из блиндажа
Разлохмаченных лож и потертых портьер.

Непростое лечение всяких скорбей
Почему-то взвалил на тебя одного
Неприкаянный век – театральный злодей,
Малолетний иван, позабывший родство.

Ты не снимешь печали чумную печать,
Этот сдавленный воздух не сможешь вдохнуть.
Повернуться бы надо. Уйти. Промолчать.
Под свою фонограмму немного вздремнуть...

Но разрушена горным обвалом тропа.
Нет возврата. Программа, потом – на поклон...
Будет всё как всегда – и цветы, и толпа.
Только толку не будет. И нужен ли он?

В ЗАЛОГЕ

Непрестанный беспорядок в окружающей среде:
Свет не ярок, мед не сладок, нету радости в труде.
Чтоб текли спокойно годы, надо просто (как бином)
Верить в углеводороды и забыть об остальном,

22

Жить, других не беспокоя, не страдать от ерунды...
Многим нравится такое – быть заложником среды.
Но коль надо заложиться (чтоб не били батоном) –
Может, лучше подружиться с добродушным
четвергом?

От среды не жди поблажек, от нее одна беда;
Понедельник хоть и тяжек, только всё же –
не среда.
Есть и вторник, и суббота, и воскресный
сладкий сон...
Может, к пятнице охота? с ней сдружился
Робинзон.

Впрочем, с тем ли днем иль с этим –
быть свободным не дано:
Вот такое, мы заметим, невеселое кино.
Нет резона торговаться – не польются барыши...
Так пиши не глядя в святцы, плюнь на время
и пиши.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Я забываю алфавит, мне буквы стали бесполезны –
Вот и вяжу взамен узлы на тонкой нити бытия...
Не скоро ангел вострубит и отворится кладезь
бездны,
А нынче – будни тяжелы и надоела толчея.

23

Морским умениям не учен, но к делу привыкают
руки:
С узлами возятся, спеша, чтоб сохранить на много
лет,
Кто виноват и что почем и сколько гитик у науки,
Чем успокоится душа и где упрятан нофелет.

Но узелковое письмо таит опасность искаженья –
Не зря Мефодий и Кирилл не стали применять
узлы;
Не всякий встреченный поймет, узлы трудны
для постиженья,
И вот – напрасно тратишь пыл и не дождешься
похвалы.

Но зла за это не держу ни на себя, ни на иного;
В своих неловких узелках я разбираюсь без труда:
К ним прикасаясь, ухожу в страну сияния ночного,
Где все тропинки в светляках и блещет звездами
вода.

Такое трудно объяснить, словарь составить
невозможно:
Реестра нет для узелка и не придумана графа.
Но снова тоненькая нить руки касается тревожно –
И не кончается строка, и не кончается строфа...

КРОЛИК

Ни дня без строчки – вот те хрен. Не выполнен
урок.
Порой напишется рефрен, пустая пара строк,
Но не добавить ничего ни в гриве, ни в хвосте –
Не помогает божество в подобной маете,

Не слышат Муза и Пегас, не явятся на зов,
И надо действовать на глаз, усердствовать с азов –
Низать на ниточку слова, в ушко их продевать,
Таскать слова из рукава, из шляпы доставать.

Но закрома мои скудны, и жребий мой суров,
И уши кролика видны из шляпы вместо строф.
Ну что ж, и кролик – не беда (небось не плагиат);
Возьму за ушки – и сюда: пусть люди поглядят,

Пусть суть сокрытую поймут (какой иначе прок)...
Всё меж ушей они прочтут, как прежде, – между
строк.

Святую тайну бытия постигнуть им дано –
Ее раскрыть сумею я. И кролик – заодно.

ОТЛЕТЕВШЕМУ ПОЭТУ

От небесного края замшелого
К средоточью небесных путей,
Где созвездие Ангела Белого
И созвездие Черных Чертей,

Ты летишь по заоблачной млечности,
По бескрайним Чумацким шляхам,
И читаешь стихи бесконечности,
Безразличной ко всяким стихам.

Здесь никто не внимает творениям,
Не предложит никто покурить...
Ты стоишь у ворот со смирением,
Только некому их отворить.

Нет, не слушают, не просыпаются...
Холодеет вода в колеях,
И стихи, как листва, осыпаются,
Чтоб развеяться в плотных слоях, –

Но живые проводят их взорами,
Загадают желанья, спеша...
Возвратятся стихи метеорами,
Возвратится на землю душа.

* * *

Я не клянусь четой и нечетой,
Землею, головою и престолом,
Частенько ошибаюсь в запятой
И жгу сердца, увы, не тем глаголом...

А всё так просто: на траве дрова,
У Саши сушка и кларнет у Клары...
Пустые клятвы – лишние слова,
А эти вирши – просто тары-бары.

Не слишком стар и малость умудрен,
То строчными строча, то прописными,
Я прячусь за стихами от времен...
Но от шагов не спрятаться за ними.

Шаги слышны в предутренней тиши:
Ровесники уходят то и дело,
Частицы отрывая от души.
Душа жива. Но малость похудела.

Шаги звучат. И я пишу, спеша
И пошутить, и поделиться снами.
И я пишу – пока еще душа
Не хочет примириться с временами.

Пусть посмеются строки, погрустят,
Перевернется новая страница...
А те, кому я должен, мне простят –
Поскольку с ними мне не расплатиться.

УТОЧНЕНИЕ ОТВЕТА

Никите Брагину

Какую ни возьми величину –
Она не стóбит и мизинца слова,
И не найти счисления такого,
Чтоб рифму заменило. Хоть одну.

И, в неладах со жребием своим,
Мы видим, от зенита до надира,
В науке – средство постиженья мира,
Но в строфах – средство *управленья* им.

Утратив направление труда,
Мы долгими ходами проточили
Культурный слой – глухую толщу пыли,
Засыпавшей былые города.

Инерция не хочет уступать,
И сами продолжают расчеты,
И сами сочиняются отчеты,
И на обложку ставится печать.

Но новой ноты ожидает слух –
И вот она, звучащая отраднó!
Мы Рубиконы перешли обратно,
И новый жребий лучше старых двух.

Как будто снова вытащен билет
И вновь перо опущено в чернила...
И нет ошибки в том, что прежде было,
А просто *уточняется ответ*.

* * *

Сосна стучит в окно, не засыпая.
Взгляд темноты пронзителен и слеп.
Я с горечью ломаю черный хлеб
И горечь по бумаге рассыпаю.

Блестит печаль в шлифованной строке,
Как соль в песке дремотного Синая...
И даже если горечь напускная,
Слеза не высыхает на песке.

За утешеньем отправляться надо
За звонкий хоровод небесных сфер,
За тьмы неверий и туманы вер
К прекрасному придуманному саду,

Где бродит агнец под защитой льва
И ангелы витают, светлолицы,
Откуда к нам слетаются как птицы
И музыка, и тихие слова.

Забить о грусти хочется порою,
Но долог путь за тридевять небес,
И нет ни утешений, ни чудес...
Сосна стучит. Я ей окно открою.

* * *

Легло на стол гусиное перо –
Видать, из чьей-то кухни прилетело, –
И я забросил правильное дело
И золото сменил на серебро.

Молчанием накоплены слова,
На разговоры дней осталось мало,
Неблагодарно позднее начало
И просит отпущенья тетива.

Я слов и дней расходую запас;
Лук распрявился, и стрела – в полете.
За то, что вы по случаю прочтете,
Я не прошу прощения у вас.

2. ВРАТА ЗЕМНОГО РАЯ

ОТВЕТ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

Ответ на все вопросы скрыт в рассвете,
В незыблемой и гулкой тишине,
В прозрачном, навсегда забытом сне,
В надежной, но несбыточной примете,

В зиме звенящей и летящем лете,
В каминном угасающем огне,
В еще не наступившем новом дне,
В случайном и непрошеном сонете.

Чтоб получить ответ на все вопросы,
С улыбкой отряхни с букета росы,
Все лепестки с ромашки оборви...

А для меня он не в речах туманных –
В трех истинах бессмертных, безобманных:
В земле, и в небе, и в твоей любви.

ЭДЕМ

Подгнили стены, словно у сарая,
Вход не запрещен мертвым и живым;
Заросшие врата Земного Рая
Не охраняет строгий херувим.

Цветы поникли, и засохло Древо,
Шуршат гадюки в шумном камыше...
Рай обитаем: там Адам и Ева
Живут вдвоем в обычном шалаше.

Творец вселенной и судеб вершитель
Явил им милость вышнюю свою:
Он их не взял в Небесную Обитель,
А подарил им жизнь в Земном Раю.

За Раем нет давно уже пригляда,
Нет ни зверей в Эдеме, ни плодов;
Пропал и след того, бывшего сада –
Судьба такая, видно, у садов.

Живут Адам и Ева безмятежно,
Им ни к чему небесная краса:
Они друг друга любят слишком нежно,
Чтоб променять Любовь на Небеса.

И не попросят перемены Дара,
Не рошут на жару и терпят хлад...
И только ждут, когда вторая пара
Найдет дорогу к ним в забытый Сад.

Надеются, что новые найдутся,
Чье чувство выше и Небес, и мук.
И кормят Змия молоком из блюдца.
И часа ждут, когда раздастся стук.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Ой туман, туман в долине
И на поле сжатом,
Ожерелье на калине
Светится закатом.

Ой гора, гора темнеет
Над туманом стылым,
По долине ветер веет
Соколом стокрылым.

Ой идет, идет дивчина
Тропкою пологой,
Рядом с ней сестра-кручина –
Тою же дорогой.

Не обгонит, не отстанет
Грустная сестрица,
Не присядет, не устанет
И не распростится.

Но кончается дубрава
У сухого древа,
Там пойдет дивчина вправо,
А кручина – влево.

Там, где светится калина,
Будет с милым встреча...
И уйдет в туман кручина,
Тихо, не переча.

Ой туман, туман в долине
И на поле сжатом,
Ожерелье на калине
Светится закатом...

НЕЛЮБОВЬ

От одной нелюбви до другой нелюбви –
Пустота, словно белое поле листа.
Не кричи, не зови. Доскачи, доживи
До знакомого оклика возле поста.

И опять понесется ночей череда,
Будет сонная осень подобна весне.
Нелюбовь удастся найти не всегда,
И порой она выше любви по цене.

Время скрытых обид и отсроченных дел.
Время временных бед и чудес в решете...
Но опять ты покинешь знакомый предел,
Чтобы снова искать нелюбовь в пустоте.

ДРУГИЕ ПАРУСА

А чего ты, собственно, хотела, Ассоль?
Принцев нет и в помине, ну так вот тебе Грэй.
Принимай подарок. Не кручинься. Изволь
Жить счастливо и долго со скитальцем морей.

34

Нынче груз «Секрета» – то треска, то хамса,
Вся былая феерия пропала, как пар,
И давно распроданы те паруса,
Ибо славное прошлое – тоже товар.

Загружается в Лиссе по пятницам он
И идет к Зурбагану, если не шторм...
Всем известно про Грэя: он наследства лишен,
И торговые фрахты – главный прокорм.

В Зурбагане рыбу берут нарасхват,
И торговцы у сходней толкуются, грубя...
Всем известно про Грэя: он теперь небогат,
И лишен он наследства – из-за тебя.

Нет в нем лоска былого; неопрятен, небрит.
Вместо праздников алых – серых дней череда.
Но он тебя любит. Тебя не корит.
Только искоса взглянет – иногда...

ПРО АННУ

1.

Анна, он тебя не ждет –
Но ведь ты ждала такого.
Анна, поезд не придет:
Путь разобран у Кускова...

35

Ну придумай что-нибудь,
Боль упрячь во тьму обмана!
Анна, Анна, позабудь.
Смерти нет. И нет романа.

Не напишут про тебя,
Не расскажут про кончину...
Можно жить и не любя.
Ты сама найдешь причину.

2.

Этот поезд... Найдется ли что-то летальнее?
Но бывших поездов не вернуть.
И отправилась Анна в дорогу недалнюю –
Предпоследний нерадостный путь.

Обошлась тебе эта поездка недешево,
Хоть и был по карману билет.
В Обираловке – что ты искала хорошего?
Там и нынче хорошего нет...

Эти злые места далеки от Италии,
И от мира всего далеки...
Для чего ты сошла? Лучше б ехала далее
По маршруту Москва – Петушки.

3. Вронский

Вы похоронены где-то на Шипке,
Вас унесла, зачеркнула война.
Это – цена и любви, и ошибки,
Это – загубленной Анны цена.

Было когда-то: и солнце лучилось,
И для карьеры открыты пути...
Но далеко вам пойти не случилось.
Впрочем – куда еще дальше идти?

Вы не искали тепла и курорта
В бегстве от вздорных, напыщенных лиц;
В армию, драться, на турок, на чёрта –
Только бы дальше от злобных столиц.

Храбро сражались. «Георгий» на ленте.
Даже забылся тот случай, когда
Вы отказались от службы в Ташкенте,
Ради любви не страшились стыда.

Были с Черняевым вы на Мораве,
После сражались в отряде Гурко.
К дьяволу почести, дело не в славе –
Лишь бы от прошлого быть далеко.

Так уж случилось – душа охладела,
Вслед – одиночество в мире пустом...
Сломаны жизни. Обычное дело.
Первая – раньше, вторая – потом.

Дождь на погост опускается косо.
Кончено всё, и напрасна мольба.
Вас и ее раздавили колеса.
Или любовь. Или ваша судьба.

* * *

Ольге Гришиной

Я плющ срываю с посеревших стен.
Конец уюту. Хмарь и непогодь.
Там, в суете почти семейных сцен,
Нас скудным счастьем обманул Господь.

Был твой шалаш не слишком обогрет,
Как рай, наверно, – тот, что без прикрас...
А что душа – погибла или нет? –
О том судить не нам. И не сейчас.

Смололась жизнь в мельчайшую муку.
Твое окно тускнеет вдалеке.
Я вышел в ночь к табачному ларьку,
Но сигареты кончились в ларьке...

ТАНГО

Не получалось завершиться разговору,
Дивились оба неожиданному дару...
А листья кленов, потерявшие опору,
Кружили танго по раздетому бульвару.

Потом гуляние по улице пустынной,
Потом у дома бесконечная беседа.
Ему казалось это вроде бы рутинной,
И впереди ждала привычная победа...

Порой иначе получается на деле,
Готовит случай неожиданные сети:
Она уехала однажды на неделю –
И сразу музыка закончилась на свете.

Ходить без музыки по прежнему маршруту,
Глядеть в безмолвии на те же переулки,
И о былом не забывать ни на минуту,
Перебирая все свиданья и прогулки...

Пустая пятница, тоскливая суббота
И воскресенье бесконечное убиты;
Ее встречал он в понедельник с самолета,
В его машине не смолкала «Кумпарсита».

Ее провез он по ознобу городскому...
Снежинки падали невесело и вяло;
Они кружились в ритме вальса. По-другому.
И это значило, что танго миновало.

Всё оборвалось как-то быстро и нелепо,
Не вытанцовывалось больше отчего-то...
Прошли напрасно дни весеннего квикстепа,
Прошло впустую время летнего фокстрота.

Листает ветер партитуру годовую –
И перевернута четвертая страница,
И снова листья устилают мостовую,
И снова танго... Не пора ли созвониться?

РАССКАЗ

Расскажи мне про звездное небо морей
И про звездное море под ним,
Расскажи про повадки небесных зверей,
Их скитанья по тропам ночным,

Про нахмуренный берег и лунный залив,
И про сонные мачты фелюг,
И про шелковый шепот прибрежных олив –
Про далекий, придуманный юг.

И пускай эти сны – миражи, муляжи,
Сада нет, и затоплен баркас...
Я тебе не поверю. Но ты расскажи.
Я люблю этот тихий рассказ.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Ну хочешь, Герда, встану на колени?
Мой лед, увы, непрочная броня...
Вокруг меня – сугробы да олени,
А нужен – Кай. Чтоб согрел меня.

Стоишь ты, на валькирию похожа,
Непобедимой юностью блестя...
Боишься, что его я заморожу?
Да что ты знаешь о любви, дитя?!

Ты эту глупость прочитала в книжке –
Ты в книжках много глупостей найдешь...
Не будет Кай со мной играть в ледышки,
Всё это – просто выдумки святош.

Да, я для всех останусь ненавистной,
А ты – чиста, отважна и добра...
Но не глядись уж слишком бескорыстной:
Ему ты – знаю – вовсе не сестра.

Промчатся дни дорогой неизбежной...
Когда к тебе приблизится зима –
Сама ты станешь Королевой Снежной!
Кого-то будешь умолять сама!

Ты слишком поспешила сбросить лыжи:
Они помогут на другой лыжне.
Я к вечности стою намного ближе,
И Кай – не твой. Он сам пришел ко мне.

А ТЫ ЗНАЕШЬ...

– А ты знаешь, замолчали наши птицы,
И ненастье наступает планомерно...
Ты, пожалуй, не захочешь возвратиться –
И, конечно, это будет очень верно.

Мы расстались с чередой полнолуний
И до осени чуть-чуть не дотянули.
Не вернутся отзвеневшие июни,
Не вернутся отплывшие июли.

– А ты знаешь, проступают понемногу
В небе линий прихотливые скрещенья –
Это птицы собираются в дорогу,
Не гадая о грядущем возвращенье.

Нет в минувшее обратного билета,
И проносятся составы мимо, мимо...
Ты цепляешься за призрачное лето,
Я вступаю в осязаемую зиму.

–А ты знаешь, я услышал в переходе
Ту же песню с беспечальными словами,
И салютом победившей непогоде
Открываются зонты над головами.

Перевернута последняя страница
У романа, именуемого «летом».
Ты, конечно, не захочешь возвратиться.
Я, конечно, не прошу тебя об этом.

42

НЬЮ-МОСКВА

Необычно пустынные трассы для часа пик:
Вероятно, сменился город за время сна.
Там, где раньше была дорога, теперь тупик,
И погода слишком дождлива и холодна.

Светофоры мигают тускло и вразнобой,
Изогнулись змеями стрелки на полосе...
Не получится нынче встречи у нас с тобой –
Ты, наверно, выбрала вовсе не то шоссе.

Город нынче стал как-то слишком необозрим,
И совсем не туда дороги ведут, увы.
Я промчусь насквозь, не заметив, Париж и Рим –
И вовек не сыщу границы у Нью-Москвы.

Незнакомые мне деревья вокруг растут,
И на трассу сухие листья летят, шурша...
Всё равно состоится встреча с тобой и тут,
Потому что ты есть на свете, моя душа.

АНГЕЛ ПЕРЕКРЕСТКА

Тот ангел, что встречался с нами,
Не думал хвастаться чинами –
Из Сил? а может, из Начал?
Вблизи газетного киоска

43

Наш добрый ангел перекрестка
Ежевечерне нас встречал.

Он в ожиданьи встречи этой
Следил печально за кометой
В кругу расчисленном светил,
Ждал на скамейке под забором,
Встречал радушным разговором
Того, кто первым приходил.

Его мы отыскать умели
Там, где во дворике – качели
И доминошные столы,
Скамья у серого забора,
Где три зеницы светофора
Так любознательно круглы...

Промчались времена благие,
И нас на улицы другие
Забросил беспокойный быт,
Наш день томительно обыден,
И ангел много лет не виден,
И перекресток позабыт.

Но вечер спустится лилово,
Напомнит ангела былого...
И возвратиться мы должны
Туда, где ангел перекрестка,
Одетый чисто и неброско,
Сидит, как прежде, у стены.

44

3. КРУГ НЕБЕСНЫЙ

* * *

Струится талая вода
Сквозь хрупкий сон берез,
По глади тихого пруда
Еще разлит мороз.

Свет ярко льется по утрам,
А грязь еще топка,
И лес преградою ветрам
Не сделался пока.

Но льется талая вода,
Но близится к дверям
Огонь весенний – что всегда
Неистов и упрям.

ЗЕЛЕННЫЕ ДНИ

Зеленых дней невидимый магнит
Влечет к себе сквозь пелену дождя.
Погода мая скоро упразднит
Апрельскую, что плачет, уходя.

45

И завлекает лес издалека
Хмельных лучей слепящей мишурой:
Шальное солнце через облака
И хвою пробивается порой.

Под кронами укрывшись от лучей,
Сквозь листья прошлогодние и грязь
Пробил дорогу маленький ручей,
Щебечущею лентою струясь.

Журчанье желторотого ручья –
Немолкнущий мотив зеленых дней;
Улегся шум лесного старичья,
Чтоб голос ручейковый был слышней.

Он – юный гений, главный дирижер –
Выводит тему лучшую свою,
И в вышине усердный птичий хор
Настраивает звуки по ручью.

МГНОВЕНИЕ

Столбиком пыли уносятся горести
И за холмами скрываются вскорости,
Словно в финале безрадостной повести
Вдруг возникает счастливый исход.
Туча спускается там, за дорогою,
С неба уходит тропею пологою,
Тихо хромая, идет за подмогою,
Горько вздыхая, в берлогу идет.

46

Кажется, счастье устроено надолго –
Струны натянуты накрепко-натуго,
И над простором раскинулась радуга,
Словно дорога отсюда – туда.
Но неизбежна минута урочная:
Дрогнет хрустальная арка непрочная,
Туча на небо вернется, бессрочная...
Свет – на мгновенье, печаль – на года.

Проблеску света скажи «до свидания»!
Неразличимы холмов очертания,
И бесполезны любые гадания:
Ниток немало в судьбу вплетено.
Хоть угасает лучистое пение,
И возвращается тусклое бдение –
Всё же спасибо за это мгновение.
Может, когда-то вернется оно.

ПЕРЕМЕНА ТЕМАТИКИ

Забуду инфермальную тематику
При свете пламенеющего лета,
Заброшу несусветную грамматику
И заменю грамматикою света.

Забуду про летальности-фатальности,
Про мрачные прогнозы и угрозы –
Зовут меня небесные хрустальности
И светлые, прозрачные березы.

47

Мир летний – и теплица, и светлица,
В разгаре светоносное правленье...
А если всё же лето удалится –
О нем я напишу. Для потепленья.

ИЮНЬСКИЙ ВЕЧЕР

Июньский вечер светится беспечно,
Но грезят о ночлеге облака,
И веткою сосновой поперечно
В овраге перечеркнута река.

Вернулся ветер из соседней сказки –
В окно стучится, потеряв ключи,
И на стене, как луковые связки,
Сплетаются закатные лучи.

СРЕДОТОЧИЕ НЕБЕС

В море трав лежу высоких, как на дне,
Под дрожащей от жары голубизной,
И встречаются березы в вышине
С оглушающе высокой тишиной.

За холмом скопился зной, и ветер стих...
Холм березами и соснами порос;
Три березы чуть в сторонке от других –
Я улегся возле этих трех берез.

48

А в высоких разогретых небесах
Облаков не затихает чехарда;
Бьется ветер в поднебесных парусах,
Но не вырвется, не спустится сюда.

И как вышний потаенный волнорез
Этой облачной белеющей волне –
Золотое средоточие небес,
Где встречаются березы в вышине.

ЛЕТО

Просияй улыбкой, сделай милость, –
Мелочь это для тебя и малость, –
Чтобы хмарь отстала, не дымилась,
Чтобы солнце выше подымалось.

Для того, чтоб больше было света,
Вызвана, летит на помощь свита –
Три богатыря хмельного лета,
Года лучезарная элита.

Лето, золотая королева,
Пылкого, но ласкового нрава!
Твой венец по небосводу слева,
Ослепляя, движется направо.

49

Задержиcь, прошу, подольше с нами,
Не спеши укрытьcя в зимней схиме,
Слать приветы с нарочными снами,
К нам порой являтьcя вместе с ними...

СОСЕДСКИЙ ПЕС

Поздний час... Душевная беседа...
Ночь необозримая вокруг...
Только воет громче всех белуг
Там, у новорусского соседа,
Престарелый пес по кличке Флюк.

Только он в пространстве безграничном
Дерзко нарушает тишину,
Как всегда, не поддаваясь сну;
В стиле монотонно-флегматичном
Он по-волчьи воет на луну:

Волк, по слухам, в родословном древе
Был у Флюка. Жизнь его трудна,
Будка неуютна и тесна,
Он же – без пристрастия, не в гневе –
За покой сражается стемна.

Много лет он рядом, за забором;
Был доволен Флюком нувориш...
С этим лаем только крепче спишь:
Ночь плывет над близким косогором,
Звуки воя охраняют тишь.

50

А в ночи июльской душноватой
Звездопадом льются небеса!
На траве – прохладная роса...
Говорят, что мой сосед богатый
Покупает молодого пса.

* * *

В кирпичной нише дачного камина
Витал огонь над щедрою сосной,
Сияние искристого кармина
Сменялось раскаленной желтизной.

Ручной осколок солнечного света
Дарил волну укромного тепла,
И в поздний час стареющего лета
К углам мансарды отступала мгла.

Тускнели блики тихого заката,
Нетленно догоравшего в окне...
Свод нависал уютно и покато,
И саламандра нежилась в огне.

* * *

Накинул вечер сумрачную шаль,
Дневной пеняя канители;
Слетела с неба певчая печаль,
Качнув легонько лапу ели.

51

Уже звезда за полем зажжена,
Туман растекся над лугами...
Под окнами моими тишина
Прошла, чуть шаркая ногами.

* * *

Здесь, то чернея, то сверкая,
Пруд недвижим в тенетах сна;
Здесь суета – не городская,
Не городская тишина.

В тени березовой целебной
Клонит в дремоту шутовской
Негромкий треск стрельбы учебной
Из гарнизона за рекой...

Здесь мало места разговорам,
Вопросы ставятся ребром;
Сосед-трудяга за забором
Стучит, как дятел, топором,

С утра гремит и суетится,
Неугомонен и тверез...
И птицы, птицы, птицы, птицы
Над тонким кружевом берез.

52

В САДУ

Я вновь к березам забреду –
И поздоровуюсь со всеми...
А по утрам в моем саду
Цветы вызывают время.

Дрожит и мечется в пруду
Паренье облачного клина...
Дневной порой в моем саду
Блестит на солнце паутина.

Нащупать раннюю звезду
Мечтают сосны, долговязы...
По вечерам в моем саду
Листва нашептывает сказы.

Деревья высятся в ряду,
Как строй полночный у заставы...
А по ночам в моем саду
Лучатся светлячками травы.

* * *

Наливное закатное золото
За серебряным строем берез –
Обещанье полночного холода
И предвестие утренних рос.

53

Круг небесный покатится заново
По истоптанным тропам ночей –
От закатного света дурманного
К откровенью рассветных лучей.

Безнадежное и суматошное,
Время движется, не времена,
Чтобы вылиться в утро порожнее
Из пустого прошедшего дня...

В сумрак прячется просека узкая,
И печалится тихо душа,
И закатное золото тусклое
Осыпается с неба, шурша

ПРОЩАНИЕ

Повадка у времени лисья,
Причуды его не новы,
И падают первые листья
На тусклую зелень травы.

Бесшумно падение это.
Безделица. Мелочь. Деталь.
Но слышишь: прощается лето.
Жаль.

СЕНТЯБРЬСКАЯ ДОРОГА

Двумя цветами салютуют клены –
Под изумрудом кроется рубин,
И зеленеют запоздало кроны
Над пламенным роскошеством рябин.

В листве – всё чаще красный цвет ожога,
А на кустах – всё больше позолот,
И мимо них ведет меня дорога:
Она к недалней осени ведет.

Склоняется нежаркая жар-птица,
Чтоб крылья погасить и видеть сны...
За это всё – никак не расплатиться,
Поскольку нету этому цены.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

1.

Под небом прежней синевы,
О днях зеленых не жалея,
С волшебным шелестом листвы
Под ноги стелется аллея.

Осенним золотом шурша,
Меня в аллее повстречали
Отрады ясная душа,
Душа неясная печали.

2.

Я дни осенние листаю,
Как позабытые стихи,
А листьев перелетных стая,
Шумя, срывается с ольхи.

Кружась, спускается на хвою
Летучий золотистый рой,
И ель украшена листвою,
Как новогодней мишурой.

* * *

Мерцает холодеющий двурог
В густом растворе облачного клея;
Он на ветру пронзительном продрог
И прячется за тучи, где теплее.

Наверно, эта хмарь тому виной,
Что на краю истаявшего лета
Я так сентиментален под луной
В преддверии осеннего рассвета.

Природа же сурова и трезва,
Как лысый цензор римского сената.
Немеют птицы. Падает листва.
Скрипит пластинка: кончилась соната.

56

И, опускаясь к стынувшей реке,
Поблекший месяц скалится коряво,
И листья шелестят на сквозняке,
И нет пути назад от переправы.

ОСЕНЬ

I

А за окном – кручина октября,
Землистых листьев мокнущая горка,
И три кота, как три богатыря,
В три стороны поглядывают зорко.

Расплакался простуженный сезон,
И облако скользнуло, как с насеста,
С косога небосклона на газон,
Спугнув котов с насиженного места.

И кажется, что груз не по плечу,
И солнце не пробьется из-под спуда...
Но я закрою шторы. Свет включу.
Об осени подкравшейся забуду.

II

Я дверь балкона утром отопру,
Взгляну на невеселый небосвод,
И нитка жизни дрогнет на ветру
Нелепых нескончаемых погод.

57

Летят по небу тучи в никуда,
И им плевать на землю свысока,
А осень подступает, как вода,
И нитка жизни, как всегда, тонка.

Гляжу на мир спокойно, не скорбя,
Убытки забыв и барыши...
Скрипучий ворот тянет на себя
Натянутую ниточку с души.

* * *

Проснуться; осень проводить глазами,
Слетевшую листву благодаря,
И встретиться под старыми часами
С бездонной благодатью декабря,

И позабыть про серость и про сырость,
Поверить в новизну и белизну,
Увидеть то, что снилось и просилось,
И улыбнуться сбывшемуся сну,

Простить обиду, позабыть коварство
И приложить к пылающим глазам
Лед декабря – чистейшее лекарство,
Снег декабря – испытанный бальзам.

ХОЛОДНАЯ СЮИТА

1. Окно

Бездущное бесцветное пространство,
Сочельник – или, может, Рождество?..
Напрасно предоконное шаманство,
Бессильно шутовское колдовство.

В бессонном ожидании обманном
Гляжу в оледенелое окно:
В стеклянном, оловянном, деревянном
Всё правильно – и всё искажено.

Лицом застывшим прикоснусь к торосам
Намерзших на окне полярных льдов:
Вдали бежит, петляет по заносам
Цепочка нескончаемых следов...

2. Цепочка

Наступила пора холодов,
Отворила окно белизне,
И уходит цепочка следов
Далеко по седой целине.

Я из шума пойду в тишину,
Я из темени выйду к лучу,
Я цепочку за след потяну
И на руку себе накручу.

Полотно на столе расстелю;
Заискрится на инее свет...
От цепочки звено отделию
И тихонько потрогаю след.

Попрощаюсь с заснеженным днем –
Он за лесом уже, вдалеке...
А цепочка холодным огнем
Обожжет – и примерзнет к руке.

3. Отраженный свет

Жизнь полна отраженным светом,
Тишина царствует в ночи.
Входа нет в счастье по билетам,
Далеко спрятаны ключи.

Мир зимой надевает маску,
Вместо сна – злое забытье...
Не смогу возвратиться в сказку,
Не хочу позабыть ее.

Фонари – как единороги:
Острый луч колет свысока...
Не найти в темноте дороги,
И цена свету велика.

Но пахнёт позабытым летом,
Зашумит под снегами сад...
Жизнь пьяна отраженным светом,
Свет прямой всё вернет назад.

Снова луг кажется зеленым,
Глаз слепит слабая свеча...
Я свечусь светом отраженным
Твоего теплого луча.

* * *

Баланс сердечного расхода
Строптив и сводится с трудом;
Ну что ж, такое время года
Пришло обычным чередом.

Согрев соседского сугроба
Приносит пользу не всегда,
И злоба сонного озноба –
Неутешительная мзда.

Морозы наледью резною
Творят на окнах баловство...
Сугроб согреется весной –
Без прилежанья твоего.

Весна страницы пролистает,
Зальется зеленью взаимь;
Сугроб согреется, растает...
И снова ожидай зимы.

* * *

В доме нет тишины:
Слышен треск половиц
И сверчок надрывается где-то;
Безнадежно черны
Тени, павшие ниц,
И на них я гляжу до рассвета.

Темнота, урезонь
Надоевших собак! –
Скучный лай пробивается в щели...
Закопанный огонь
Не погаснет никак,
И качаются маятно ели.

За ступнею ступня...
За ступенью ступень...
Тихо звякает где-то посуда...
То прошедшего дня
Зашлугавшая тень
Неохотно уходит отсюда.

За окошком видна
Непроглядная хмарь –
Нависает, как горе людское...
Но горит у окна
Негасимый фонарь,
Не дающий собакам покоя.

62

А прорехи высот
Тихо сеют снежок –
Он за стеклами чертит пунктиры...
Где-то в доме поет
Неумолчный сверчок;
 Попрошу его утром с квартиры.

БЕЛЫЙ ОГОНЬ

Холстами улиц, как мостами вздохов,
Проносится слепое помело,
И плечи белопламенных сполохов
Всё крепче упираются в стекло.

Еще пути не проторились к бродам
Неизмеримой снежной глубины,
И расстелилось под слепящим сводом
Сплошное пепелище белизны.

Я гладкость безграничную нарушу,
Дневную мглу рукою отстраня,
Чтоб снизошло на стынущую душу
Благословенье белого огня.

63

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Февральские слёзы морозны и едки –
Усталости сонной привычный симптом...
Беспечных черемух сплетенные ветки
Склонятся над нами когда-то потом;

Когда-то – не знаю – согреются щеки,
Проклонутся листья в ожившем саду...
Но скрыты за вьюгой заветные сроки:
Когда-то... Наверно, не в этом году.

Застыли деревья, как черные сваи,
Забитые в зимнюю дрему земли...
Не знаю, придут ли апрели и маи,
Но знаю, что будут еще феввали.

Луна, обленившись, зевает в зените,
На мерзлую землю сердито косясь;
Холодное время растянуто в нити,
И шьется из нитей слепящая бязь.

Взираю в глубины беды календарной,
Лицом прижимаясь к ночному стеклу,
И вижу: дрожащей цепочкой фонарной
Торится дорога к хмельному теплу.

4. ИНАЯ СКАЗКА

МИДРАШИ О БОЖЬЕМ ТВОРЕНИИ

1.

Бог создал небеса из света
Своих лучистых одеяний,
Была рука Его воздета
Над легким маревом сияний.

И стали небеса струиться,
Безмерно простираться сами,
Но указал для них границу
Господь рукою и словами.

Сияли над престолом своды,
А под престолом – снег таился.
Бог опустил его на воды –
И прах земной из вод явился.

И стали и земля и море
Безмерно простираться сами,
Но меру указал им вскоре
Господь рукою и словами.

2.

Бог увидел, что Верхние Воды небес
Слиты с Нижними, словно супруг и супруга.
«Разделитесь!» – велел он. Они наотрез
Отказались, поскольку любили друг друга.
Он тогда, протянув Свой мизинец вперед,
Разделил их. И Верхние в горести взмыли.
А жилище для Нижних тоскующих Вод
Он сыскал на земле среди грязи и пыли.

Разлучил их навеки рассерженный Бог,
Суждено им глядеться друг в друга уныло,
А вдали – горизонт между ними пролег,
Шириною в три пальца межа разделила.

Хоть взлетает порою морская вода,
Плещет волнами рядом с горячей звездой,
Но – увы – не взметнется она никогда
До слиянья желанного с Верхней Водой.

И журчаньем идет шепоток по волнам:
«Не достигнем любви, недоступна отрада.
Не нарушить веления Божьего нам;
Хоть преграда тонка – нерушима преграда».

3.

Бог создавал мириады миров
И разрушал их один за другим.
Очень взыскателен был и суров
Он к неудачным созданиям Своим.

Всё сотворенное стало мертво
В миг, когда стало противно Ему.
И – ни миров, ни людей. Ничего.
Канули все поколенья во тьму.

И осознал Он, что эти миры
Он потому неудачно творил,
Что человеку до этой поры
Он Покаянья еще не дарил.

И Покаянье Он создал, и Ад,
Имя мессии, Престол пресвятой,
Всем – Справедливость, а праведным – Сад,
Купол небес, что влечет высотой,

И Справедливость сказала Ему:
«Подданных нет у Тебя до сих пор,
Чтобы восславить Тебя. Почему?»
Бог улыбнулся. И руку простер.

КАИН

Он так красив. Смеется обаятельно.
И нет печати на лице его...
Он в рай стучит давно и настоятельно:
Упрямый Каин помнит про родство.

Он всем готов доказывать отчаянно:
– Я оклеветан с допотопных лет.
Давным-давно был сочинен на Каина
Пустой навет – а вовсе не Завет.

Совсем другими были обстоятельства,
Все обвиненья – выдумки кликуш,
И нету никакого доказательства,
И вышли сроки давности к тому ж.

Поправив букли парика старинного,
Пусть пересмотрит дело Судия...
Откройте дверь. Примите неповинного.
Одной мы с вами крови – вы и я.

Дверь распахнется. Я войду с победою
И Авеля покрепче обниму...
Я не убил. Я заповеди ведаю.
И я не сторож брату моему.

ОДИССЕЙ

«Я выверю свой путь по Зодиаку,
По звездному небесному ковшу!..
Я не спешу на жалкую Итаку,
К постылой Пенелопе не спешу.

Мой гулкий конь открыл ворота Трои,
Я славен среди героев и царей...
В дворцы цари вернутся и герои,
А мне – в страну свиной и свинарей?

Нет, этот путь мне нынче не по чину!
Пусть остров мой забудет о царе!
Уж лучше кануть навсегда в пучину,
Чем вечно быть правителем в дыре!

Я хитрость покажу свою и силу;
Пусть Полифем безумствует, презрен!
Харибду одолею я и Сциллу –
И спеть погромче попрошу сирен!

Своей отвагой навсегда посею
Я память о себе в умах людских!
Итак, я отправляюсь в Одиссею,
И мне Итак не нужно никаких.

Хоть впереди лишения и беды –
Путь выберу крутой и непрямой!
А после – пусть незрячие аэды
Споют про то, как я спешил домой...»

Стоял он возле Трои, в ратном стане,
Среди разгульной, пляшущей толпы...
На западе, в лазоревом тумане
Дрожали Геркулесовы столпы.

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

1.

В Аду чинится душам *изученье*.
Циприан Камиль Норвид

Лимб окружен исписанным барьером,
И древний текст не разобрать никак;
Здесь те, кто повстречался с Люцифером,
По возвращеньи оставляли знак.

Дрожащею рукой писал бродяга,
Избавившись от преисподних пут,
На сей стене, как на стене рейхстага:
«Дошел». «Вернулся». «Люцифер капут».

Кто с гидом тут слонялся, кто без гида –
Всех помнит эта древняя стена;
Здесь много посетителей Аида
Отметилось в былые времена.

Вот Дантов стих; фигуры Пифагора;
Оставлен след Энеевой рукой...
Вглядись в речную дымку с косогора –
Гниет ладья Харона за рекой.

Нет переправы – так чего бояться?
Не рыщет и волчица на тропе...
Но слёзы Старца Критского струятся,
И боль несносна в глиняной стопе.

Покуда длится это истечение
Из ржавых металлических щелей –
В Аду чинится душам *изученье*,
Что всех мучений много тяжелей.

Ведется изучение по плану,
Что утверждён на тысячу веков, –
Мы в том должны поверить Циприану:
Он был здесь позже прочих смельчаков.

Научный раж и рвенье персонала
Несли погибшим множество скорбей,
Но нынче изученье – у финала.
Течение Ахерона – всё слабей.

Кто б ни пришел – пускай безмерно грешен, –
Он не найдет пути за грань стены;
Давно исчислен род людской и взвешен,
Весы и счеты больше не нужны.

Отныне изречением нелестным
Встречает души нерадушно Ад:
«Исчислен, взвешен, признан легковесным.
Оставь надежду. Входа нет. Назад!»

2.

Харон сидит на пне вблизи ладьи дырявой,
Пытаясь отхлебнуть из амфоры пустой.
Толпятся тьмы теней тоскующей оравой,
И берег оглашен орущей немотой.

Не ставит Судия печать на приговоры,
В пучине душ искать не хочет тьму и свет:
Являются на суд безликие повторы
Героев лет былых, злодеев прежних лет.

Терпение его исчерпано – а время
Не замкнуто в кольцо, но спутано в клубок...
Вдруг слышится с реки, как кормчий на триреме
Бранит своих гребцов (фарватер неглубок).

Доносится от мачт забытый дух сосновый!
И замер мертвый люд, надеждой обуян...
Для душ открылся путь. И перевозчик новый
Их повезет туда, где плещет Океан.

Не состоится Суд! Не будет встречи с Адом!
Трирема повезет – куда? Куда-нибудь!
Взовьются паруса, и Янус добрым взглядом
Своих обоих лиц укажет точный путь.

74

3.

Тяжелый путь проделан, наконец.
Идти до Двери долго и непросто,
Но глянь: бредет еще один мертвец
Со старого заросшего погоста...

А чтоб войти – три раза угадать
Необходимо карту из колоды.
Не вышло? – так придется подождать.
И подождать не месяцы, а годы.

В заветный Ад проникнуть нелегко,
Не угадаешь карты без сноровки.
Толпа у Двери режется в очко,
Буру и преферанс – для тренировки.

Затерты карты старые до дыр...
Но тот, кто разгадает мрак расклада,
Войдет. И попадет за Дверью – в мир.
Наш мир. Поскольку нет другого Ада.

**ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.
НАКАНУНЕ МАРТОВСКИХ ИД**

Итак, мой Брут, зарежут? В эти иды?
Да, это Кассий. Он на всё готов:
Тщеславие, капризы и обиды,
жестокость, что обычна для шутов.

75

Ну что ж, я ждал. Признанием народа
вознагражден давно я и с лихвой:
Ко мне, я знаю, есть любовь у сброда
и ненависть – у спеси родовой.
Спасибо, Марк, за горькое признание;
к таким ударам я готов давно.
Пусть состоится это злодеянье.
Вот так мне умереть и суждено...
Ты возражаешь? Посоветуй что-то!
Проскрипции? Стать Суллой номер два?
Нет. Палачом прослать мне неохота:
такая слава слишком дешева.
Мой Брут, я знаю: всё свершится скоро.
Кинжалы наточила мелюзга,
И завтра растерзает ваша свора
плешивого и глупого врага.
Ты будешь первым. Нет, не спорь: так надо.
Пронзишь кинжалом старческую плоть.
Тебе нетрудно будет без пощады
невольника Филона заколоть.
Да ты, наверно, не знаком с Филоном!
Он на меня похож, как будто брат...
Он жил в моем поместье отдаленном
и вызван в Рим два месяца назад.
Раба верней на свете я не знаю.
Он так умен, вальяжен, языкаст –
И жизнь отдать, лишь только пожелаю,
он за меня мечтает. И отдаст.

Он хочет, чтобы вы его убили,
поскольку этим угождает мне;
Напишут «Цезарь» на его могиле –
ему довольно этого вполне.
Мне надоели потные ладони,
лесть и притворство, низость и обман;
Пускай за власть дерутся Марк Антоний
и дерзкий родич мой – Октавиан.
К морям глубоким и далеким рекам
я с посохом отправлюсь и сумой...
Пожалуй, стану я отныне греком
и назовусь Феодором Косьмой.

ТОРЖИЩЕ

И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей...

Матф. 21:12

Не продавайте белых голубей!
Здесь, возле храма, торжище творится,
И в черной клетке горлица томится,
И взор ее исполнен всех скорбей.

Прогнав горбунию, оттолкнув кликушу,
Прилавок захватил Искарот:
Он, в черное одетый, продает
Здесь белую голубку, словно душу.

Торгует он, хитер и деловит
В азартной распродажной лихорадке,
А возле храма – шум и беспорядки:
За голубями очередь стоит.

На голубей, как счастья воплощенье,
Глядят блаженно очередники,
В потоках мутных видят родники
И верят, что покупка – причащенье,

Толкаются и топчутся в грязи,
К прилавку пробиваются с мольбами...
Изгнать бы прочь торговцев голубями,
Но нет, увы, Спасителя вблизи.

ПИЛАТ

Да я не помню этого уже!
Какой-то нищий... призывал к чему-то...
Да здесь же каждый год творится смута,
И каждый год мятеж на мятеже!

Да, было дело. Я его казнил.
Да, на кресте. Без всякого сомненья.
А нынче возникают сочиненья,
Пустое расточение чернил;

Там пишут: я хотел спасти его,
Был принужден послать его на муки...
Нет! Не смогли бы жреческие штуки
Меня заставить сделать ничего.

Не помню и не буду вспоминать
Такую пустяковину и малость.
Какой-то проповедник... Да случилось
Мне сотнями подобных распинать!

Сказали мне – воскрес позднее он...
Да, верно; приходил потом похожий.
Неужто это снова отпрыск божий?
Так знайте: этот тоже был казнен.

Еще твердят – в любые времена
Припомнят мне распятие. Возможно;
Хотя поверить в это очень сложно.
Мне, впрочем, эта память не нужна.

Такая память – это западня,
За давний суд суровая расплата.
Прошу: забудьте Понтия Пилата!
Я вовсе не похож на Герострата:
Мне ни к чему, чтоб помнили меня.

НЕЗАПИСАННАЯ ИСТОРИЯ

За то, что делом натворил и словом,
В чем был виновен сам – или другой,
Стоял он пред судилищем суровым,
Избитый, оклеветанный, нагой.

Он умолял, чтоб выслушали, чтобы
Не верили в напраслину и вздор...
Но злые люди не избыли злобы,
И злое солнце не смягчило взор.

И судия глядел неумолимо.
И прокурор вещал, непримирим.
И смерть пришла – вдали Иерусалима:
В Эфесе? Смирне? на дороге в Рим?..

Сокрылось солнце. Воцарилась слякоть.
И некого и некому спасать.
И не было Марии, чтоб оплакать,
Луки и Марка, чтобы записать.

ЛАНСЕЛОТ

В нарушение всяческих законов,
В полном несознании вины
Расплодилось множество драконов
В разных департаментах страны.

80

Собирали войско сенешали,
Шли на битву рыцари, спеша;
И не то чтоб ящеры мешали,
Но уж очень шкура хороша!

Выходили люди на охоту –
И драконы прятались, скуля.
Вот и Ланселот нашел работу –
Стал драконобойцем короля.

Он не лез один в пещеру сдуру –
Знал повадки, слабые места...
А оплата – сдельная. За шкуру –
Ровно десять ливров, как с куста.

Рано утром, снаряженный к бою,
Он шагал в соседний березняк;
Средства браконьерские с собою –
Травы, заклинания, мышьяк.

Но сражаться постоянно – глупо,
И случалась мирная пора:
Откупались гады шкурой с трупа
Ящера, почившего вчера,

Откупившись, улетали в горы
С миром – на неделю, может быть...
Он умел вести переговоры,
Но умел и головы рубить.

81

Так и жил, горынычей карая...
Но добра была его душа:
Прятал он дракончика в сарае,
Покупал цыплят для малыша,

С нежностью отцовской небывалой
Каждый день заглядывал в закут
И дрожал, когда резвился мальч,
В страхе, что соседи донесут...

УТЕРЯННЫЙ МОНОЛОГ

Да, решено. Безумия огонь
Угаснет. Образумлюсь очень скоро –
И погружусь в обыденную вонь
Интриг и закоулков Эльсинора.

Вопроса – нет. Я отвечаю: «Быть».
К чему державу погружать в геенну?
Свяжу времен разорванную нить
Я тихо, аккуратно, постепенно.

Зарезать дядю? Да погибнет мать?
Себе устроить громкую кончину?
На сторону корону отдавать?
Послать страну в кровавую пучину?..

Нет, он не умер, ненависти зверь,
Но затаился. Есть другие войны.
Я Фортинбрасу-младшему теперь
Не дам бродить по Дании спокойно.

Но час придет – и королю не жить.
Он без меня пойдет тропой к аду.
Наследник может многое свершить,
И даже руки обагрять не надо –

Найду людей надежных без труда.
Лишь только не спешить. Не суетиться.
И пусть поэт в грядущем никогда
О принце не напишет ни страницы...

Не надо лишней крови и огня!
Я буду править мудро, неспесиво.
И пусть потом не вспомнят про меня:
Быть знаменитым – это некрасиво.

ОТРАВЛЕНИЕ

Альтернативная версия

Мой друг Сальери полон пиетета;
Твердит мне он (живущий без долгов):
«Ты, Моцарт, – бог». Увы, я знаю это.
Но как малы доходы у богов!

А он – не бог. Но это – не беда.
Зато его мелодия понятна
Монарху, людям... Серость, как всегда,
Для серости удобна и приятна.

Его творенья – стразы, не алмазы,
Но мы живем среди сплошных ослов!
К нему всё время валятся заказы –
На оперы, на вальсы для балов.

Сегодня пишет реквием, потом
Умильную мелодию к крестинам...
Себе кормушку в творчестве святом
Устроил он благодаря крестинам.

Он много жрет. И говорит хрипато.
И даже пристаёт к моей жене
(Хотя она – который раз! – брюхата).
И часто ищет истину в вине.

Еще лечиться любит: каждый час
Его снабжает зельями аптекарь;
И если он, глотнув, покинет нас –
Виновным будет нерадивый лекарь.

Его успехи видеть надоело,
И я его судьбу решу, как бог,
Чтоб больше лезть в божественное дело
Нечистыми руками он не смог.

84

В бокале – яд. Мы рядом у стола.
Да, несовместны гений и злодейство,
Но бог – превыше и добра и зла,
И должен взять я на себя судейство.

Вот странно: похвалил вино. Ценитель...
Но – боль в груди! Я взял не тот фужер!!
О подлый и коварный отравитель,
Тебя потомство не простит, Сальер...

ДЕРЕВЯННАЯ ДУША

Он – Буратино, деревянная душа,
Продукт усердия нетрезвого отца,
Снабженный носом подлинней карандаша
И ставший вечным идеалом сорванца.

Ему с друзьями, безусловно, повезло:
Все были дружными и справились с бедой,
И отступило отвратительное зло –
Зло хромоногое, слепое, с бородой.

Но стал все двери открывать заветный ключ,
И Буратино стал приятелям чужой,
И ходит нынче он – вельможен и везуч,
С холодной, легкой, деревянной душой.

85

Ему и слёзы, и страдания – игра,
А люди кажутся подобием клопов...
Дурное детище ножа и топора,
Большой любитель черепаховых супов.

Куда же делся прежний глупый мальчуган
С его простою и наивною мечтой?
Уходят зрители, ругая балаган
И вспоминая Карабаса с теплотой.

ЧЕРНОКНИЖНИК

В двух верстах от Верхних Буерачин,
В четырех – от Буерачин Нижних,
Там, где лес чудовищен и мрачен,
Прячется в ущелье чернокнижник.

Он печет из ядовитых зерен
Черные и горькие ковриги,
Непреклонен, злобен и упорен,
Что-то ищет в очень черной книге.

По ночам он смешивает зелья,
К дьявольским готовится деяньям;
В час полночный глубина ущелья
Полыхает призрачным сияньем.

В чем же злая цель его мистерий?
Нечестивый пыл не иссякает:
Из обмана, сплетен, суеверий
Он преступно *правду* извлекает.

Что же, за такое прегрешенье
Будет он и выслежен и схвачен;
По заслугам ждет его сожженье
На лугу у Верхних Буерачин.

СОВА

Не ходите ночами к холму,
Где осина суха и мертва:
Там полночной порою во тьму
Из дупла вылетает сова.

Коль случится кому-то беда
В этот лес поздней ночью попасть –
Вмиг сова прилетит из гнезда,
Чтоб заблудшую душу украсть.

Схватит в когти, укроется тьмой,
Устремится к осине в тиши, –
А бездушный вернется домой,
Не заметив потери души.

Возвратится в свой будничный свет,
Возвратится в свою кутерьму...
Нет души – так и славно, что нет:
Без души даже легче ему.

Тихо души в дупле вороша,
Дни бессонно проводит сова:
ПопадетсЯ плохая душа –
Окаянна, крива, дешева, –

Понесет эту душу во мрак,
Прошуршав над землей тяжело;
Бросит душу кому-то за так,
Двоедушных умножит число.

Не зовите сову из гнезда,
Не ходите к холму по ночам,
Чтоб досталась душа, как всегда,
Повседневным, привычным сычам.

ВИЗИТ

Крылья двигались синхронно, грациозно...
Я был тронут посещением таким:
Мне в квартиру нынче запросто, бесспросно
Заявился шестикрылый серафим.

В двери узкие протиснулся с разгону,
Молча в комнату парадную прошел,
Огляделся (не сыскал нигде икону)
И присел без приглашения за стол.

Из баулов и котомок немудрящих
Он товары дефицитные достал.
«Поглядите: вот набор углей горящих
И большой ассортимент змеиных жал».

Натрудившиеся крылья отдыхали,
А речам посланца не было конца:
«Очень многие желают – вы слышали? –
Жечь горячими глаголами сердца».

Заварил я гостю чаю дорогого;
Посидели, поболтали про жительство...
Но сказал я: «Поищите-ка другого.
Жечь глаголом – это дело не мое».

Снова чайник на конфорке закипает...
И, крылом смахнув слезинку невзначай,
Он сказал печально: «Тот, кто покупает,
Не дает мне даже рублика на чай».

От котомок и баулов веет жаром;
Гость простился – и отправился в полет
С ядовитым и пылающим товаром...
Он, надеюсь, покупателя найдет.

ИНАЯ СКАЗКА

Поверить ли в сказку? Попробуем, так уж и быть:
Волшебные звери, плывущая в небе луна...
И тянется к зыбкому свету дрожащая нить,
И светлые воды прозрачны до самого дна.

И верным гаданьем нас радует мудрый шаман,
И верится, будто удастся уйти от беды...
Но мы слишком долго вдыхали словесный дурман,
И всякая вера нам кажется рябью воды.

Закончилась сказка. Луна раздробилась в воде,
Попрятались звери, шаман надоедлив и глуп...
А знаешь: далёко, далёко – неведомо где –
Озябшая правда закуталась в драный тулуп.

И эти морозы пребудут навеки виной,
Что дивная сказка сокрыта – и ныне, и впредь.
Но плакать не надо. Мы в сказке витаем иной,
И где-то поблизости бродит косматый медведь.

5. РЕАЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

* * *

Снова в путь отправляемся на заре,
С недосыпом сражаемся и хандрой.
Нас не ждет восхищение на горе,
Нас не ждет отпущение за горой.

Власть нас радует крошками, не любя,
Словно в парке на лавочке – голубей.
Императоры властвуют для себя,
А о ближних печалится лишь плебей.

Закалилось терпение как булат.
Вся беда – в ожидании новых бед.
Нету смысла доказывать постулат,
Надо просто поддерживать паритет.

Заклинанья и лозунги – ерунда,
Перемена правления – неважна.
Эти игры значения никогда
Не имеют. Важнейшее – тишина.

СЧИТАЛКА

За первым оврагом, за долом вторым
Седеющим стягом возносится дым.
За третьей рекою, четвертым ручьем
Чернеет с тоскою заброшенный дом.
В скитании пятом, в разлуке шестой,
По травам примятым, росе золотой,
От горя седьмого к надежде восьмой
Шагай, чтобы снова вернуться домой.
За склоном девятым, десятой горой
Уснешь под закатом в земле сырой...

ЧЕРТОПОЛОХИ

У тракта, где чертополохи
Давно и густо проросли,
Уныло доедает крохи
Герой неведомой эпохи,
Солдат незнакомой земли.

Темнеет. Кончились припасы.
Болит нога. Заела вша.
Рыжеет ржавчина кирасы.
Так и не выдали из кассы
Ни су, не цента, ни гроша.

Вчера – ночлег в прогнившем стоге,
Сегодня драка с шантрапой...
С трудом передвигает ноги
И раздвигает на дороге
Колючки саблею тупой.

Забвенье и опустошенье
Вокруг раскинулись давно,
Но твердо принято решение:
Сквозь тьму, и дым, и поношенье
Идти солдату суждено.

Такая трудная работа
Посильна только для него.
Рубашка вымокла от пота;
Он не читал про Дон-Кихота:
Книжонки – это баловство.

Вороны каркают хрипато,
В кустах гиены верещат,
Но он идет молодцевато
И ищет, ищет супостата...
Куда же скрылся супостат?

Солдату подвиг не оплачен,
Но днем идет он и во мгле.
Путь верный в сумерках утрачен;
Он землю выручить назначен,
Но он – не надобен земле.

Дела давно и очень плохи:
Мир от защитников устал.
Не люциферы, не молохи –
Милы земле чертополохи.
Не одолеет их металл.

Напрасно тяжкое служенье.
Колючкой тракты поросли,
И ни к чему вооруженье,
И не грозит уничтоженье
Колочим пасынкам земли.

Но он раскусит все подвохи,
Врага отыщет всё равно,
подавит рвущиеся вздохи,
Сожжет к чертям чертополохи –
И землю с ними заодно.

ДОРОЖНОЕ

...он ехал так скоро, что шпага его, вы-
сунувшись концом из тележки, стуча-
ла по верстам, как по частоколу.

*А. Пушкин,
из примечаний к «Евгению Онегину»*

Хоть поздно, но должно же получиться
Минуты, как монеты, не растрчивать!
А время задыхается, но тщится
Вагоны для иллюзии раскачивать;

94

А время высыпается сквозь дыры,
Монетами потерянными звякая:
Оно, как состояние транжиры,
Расходится на разное и всякое.

Забудутся фатальности сраженья
Лучного, рукопашного, копейного –
Останутся реальности движенья
Стоячего, плацкартного, купейного.

Обыденная, скучная тревога
Тарифом предварительным оплачена;
Нелегкая неровная дорога
Столбами годовыми обозначена.

Обычное занятие поездное:
В привычном ожиданье неизвестности
Глядеть сквозь остекление двойное
На мимо проплывающие местности –

И видеть под колесные раскаты
Мелькание потемок и свечения,
И вслушиваться в шпажное стаккато
По столбикам годичного значения.

На пики годового частокола
Горшки для украшения насажены,
Бутылками по кличке «кока-кола»
Окрестности дорожные загажены...

95

Но тянется над рельсами планеты
Дорога параллельная – и Млечная,
И всё же не растрочены монеты
И эта остановка – не конечная.

* * *

Есть краткий, неожиданный просвет тишины
Есть чувство забвения и чувство вины,
Есть золото неба и облачный лед,
Есть сжатое поле и сорванный плод.

Растерянный ветер ерошит траву,
И сон позабытый манит наяву,
А время находит тропу на бегу,
Его я и взглядом догнать не могу...

На золоте неба – черта черноты,
Пойду по тропинке до этой черты,
Пойду, обращая лицо в тишину,
Вернуться мечтая к забытому сну.

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМ

Гнездится дом на сонном склоне,
И роща прорастает в дом:
Рябина – в спальне, клен – в салоне,
В прихожей – ива над прудом.

96

Травую поросли ступени,
Шкафы плющом оплетены,
И на паркет ложатся тени
Берез, растущих вдоль стены.

Не замечают домочадцы,
Как их покои зелены,
Хотя деревья в дом стучатся
И с той, и с этой стороны.

Вокруг светло и заповедно –
Так, как и было искони...
Деревьям тоже незаметно,
Что в доме выросли они.

Когда бывают без призору –
Все изменяют облик свой:
Идет ольха по коридору,
А люди шелестят листвою.

Они ветвями и глазами
В окно стучатся и глядят;
А там – дорога, что лесами
Ведет всё дальше – и назад...

97

ВЕТЕР

Этот ветер с собою несет голоса,
Стоны боли и вздохи страстей,
Этот ветер насквозь продувает леса
И срывает гербы с крепостей,

Этот ветер легко открывает замки
И врывается в гул анфилад;
Пешеходы на улицах стали редки
А собаки тревожно скулят.

Ты остатки рассудка – гляди! – береги,
Не вступай в легионы растяп:
Этот ветер легко выдувает мозги
Из-под шлемов, фуражек и шляп.

Он срывает с мундиров узор мишуры,
А с роскошных гробов – бахрому,
Выдувает он души из нас – для игры,
Чтоб, натешившись, бросить во тьму.

Этот ветер под утро в берлогу уйдет...
Мы вздохнем, и друзьям позвоним,
И пойдем по захлавленным улицам вброд,
Чтоб сыскать унесенное им.

NAVIGARE NECESSE EST

«Движенье – всё», – сказал махист проклятый.
Ему философ лысый возразил
Сначала словом, а потом лопатой,
При этом голося что было сил,
Вослед Лойоле или Торквемаде:
«Нам цель важна, а прочее мур!»
Ну кто же станет лишь дороги ради
Куда-то отправляться со двора?
Всё так. Но Магеллана вспомнить надо,
Колумбов рейс, Ясоново весло,
Историю безумного Синдбада...
Так что ж их всех в дорогу волокло?
Вы скажете: – Соблазнов очень много,
Грядущий куш оправдывал отъезд...
– Нет! – я отвечу. – Дальняя дорога
И страсть к процессу перемены мест.
Шли в здоровом ли, нездравом ли рассудке –
Для многих был наградой сам поход.
Улисс стремился на Итаку? Дудки!
Да он туда добрался бы за год.
Ему не скука сухопутной прозы –
Поэзия морей была нужна,
Важнее были странствия, чем козы,
Милей дорога, нежели жена.
И если ты отправился в скитанье,
На вкус попробуй сам – и ощути
И близкой цели разочарованье,
И чары предстоящего пути.

Да, хорошо бы не блуждать чрезмерно,
Достичь успеха, не дразнить гусей
И маху не давать... Всё это верно.
Однако ж прав упрямый Одиссей.

РУБИКОН

Рубикон щетинится колами –
Тьма колючек, острых как ножи...
Витязь, славный ратными делами,
Натянул поводья у межи.

Перейти – по силе, не по силе?
Вряд ли угадаешь наперед...
Раньше Рубикон переходили
Без проблем. Без потасовки. Вброд.

Был поход азартною игрою:
Жребий бросить – разве тяжело?
Повезло тогдашнему герою!
С Рубиконом хилым повезло!

Нынче в войнах не бывает блица,
Поле битвы – это не манеж;
Мало на свершение решиться –
Надо с боем одолеть рубеж.

С кем сраженье? Видимо, с судьбою, –
Не с какой-то жалкой мелюзгой:
Рубикон-то вырос сам собою,
А за ним растёт уже другой.

Не пойдет воитель на уступки!
(Их никто не требует давно...)
На копье он делает зарубки –
Сколько Рубиконов снесено.

Для чего же лбом ломиться в стену?
Ясно: так ведётся испокон...
Оттого-то ночью он и денно,
Чертыхаясь, рубит Рубикон.

ГОСТЬ

То солнца свет, то запах дыма,
То шум полночного дождя...
А дни всё мимо, мимо, мимо
Идут – ко мне не заходя.

Струятся паутины нити
В прошитом золотом саду...
Я приглашаю: «Загляните!» –
Но дни кивают на ходу,

Проходят где-то рядом, возле
И обещают: «Мы зайдем,
Но завтра; послезавтра; после.
Потом. Когда-нибудь потом».

Идут, не склонные к щедротам:
В делах – один, другой – спешит...
А я хожу, хожу к воротам
И жду, что день не убежит,

Не пролетит, не откочует...
Мы с ним вдвоем повременим,
Он в дом заглянет, заночует,
Мы завтра погуляем с ним.

Пусть будет ни на что не годный,
С погодой хмурой, проливной,
День неприветливый, холодный, –
Но он останется со мной.

И мы с ним станем как родные,
И поболтаем, и споем;
Глядеть в окно на дни иные
Отныне будем мы вдвоем!

Другого времени частица,
Печален будет он и тих...
Однажды день былой простится,
Помчится догонять своих.

102

К добру – не знаю – или к худу
Тот день, что будет на дворе...
А день былой – не позабуду
И подчеркну в календаре.

В СТЕКЛЕ

Давно уже все стрелки на нуле,
И нет резона трепыхаться зря.
Мы заперты в захватанном стекле,
Как мухи в каземате янтаря.

И как же выйти, обрести объем?
Безмерна и двумерна кабала...
Нет, не удастся выбраться живьем
Из плоского, недоброго стекла.

Порезы на душе и на руках,
И душно в окружающей среде...
Во сне мы временами видим, как
Господь бежит вприпрыжку по воде.

СЛЕД НАДЕЖДЫ

След надежды растаял в зените,
Звонких сосен коснувшись почти...
Гомоните, браните, вините –
Виноватого вам не найти.

103

Он проходит сквозь взгляды и звуки,
Не задев ни плеча, ни руки, –
И пусты его сильные руки,
Лик печален, шаги широки.

Где-то ждет его край тридевятый,
Понимание и торжество...
Он уходит от вас, виноватый,
И вина на лице у него.

Ждет, что кто-то посмотрит с мольбою...
Он бы отдал – но только кому?
Он надежду уносит с собою –
Ту, что брошена вами во тьму.

Предлагает – а вы не берете
И не видите плачущих глаз...
Он оглянется на повороте,
Вытрет слёзы, посмотрит на вас

И оставит на соснах заметы,
Чтоб спустя даже множество лет
Смог прозревший, презревший запреты
За надеждой отправиться вслед.

6. НА РУБЕЖЕ

СОННАЯ ДЕРЖАВА

Как засмотрится мне нынче, как задышится?

В.Высоцкий

Над зеленой дремлющей пучиною
Мчится белый облачный табун;
Ни одной не тронутый морщиною,
Лик небесный дерзостен и юн.

А под ликом неба беспредельного
Разлеглась, в тенетах липких сна,
Вдалеке от берега кисельного,
Старая изыбшая страна.

На нее гляжу без сокрушения;
Сердцу только грустно, не уму.
И ее загадка – без решения:
Некому решать. И ни к чему.

Прикрывалась жалкими тряпицами,
Чтоб согреться в неудобном сне,
Усыплялась сказочными птицами,
Певшими от горя в стороне,

Что дарили болью и печалью,
Осыпали шумной мишурой,
И стращали древними скрижалями,
И влекли надеждою порой...

Край забытый яркими заплатами
Лез упрямо небу на глаза,
А в ответ – над полем, над палатами –
Лился дождь, как горькая слеза.

...Вязнет конь. Тропа – канава сточная.
Там, где берег, – ил, а не кисель,
Реки долгожданные молочные
Так и не отысканы досель.

Вот и ждем, покуда всё изменится
И дела направятся на лад:
Выйти из тенет решится пленница,
Сбросит свой нарядец из заплат,

Позабудет песенное зелие,
О судьбе замыслится в тиши...
Но без песен – где ей взять веселие,
Кто ей даст надежду для души?

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сверкая шпилями всё выше
Над стылой серостью холмов,
Надменно воспаряют крыши
Самовлюбленных теремов.

Но глянешь влево или вправо –
Лежит, сыра и неровна,
Земля незнаемого нрава
И нескончаемого сна.

Не по уму и не по вере,
Не по законам городским –
Она живет по меркам мери
И по чудачествам чудским.

Исчезнут стены и стропила,
Колонны, башни, купола...
И не такое истребила,
И не такое погребла.

И станет пусто и дождливо,
На поле – полусгнивший стог,
И только серая крапива
По краю сгорбленных дорог..

ГОРОДОК КАРАМЕЛЬНЫХ ДОМОВ

Приходская церквушка в чужой стороне,
Аккуратные книжки псалмов...
Сквозь завесу кордонов он видится мне –
Городок карамельных домов,

Городок потаенных, обыденных драм
И привычных, предвиденных встреч;
Молоко у подъезда стоит по утрам,
И газон приглашает прилечь.

Перед сном – разговор, и густое вино,
И полночных цикад перезвон...
Нам покоя такого достичь не дано –
Слишком мало мы стригли газон.

Тишина на рассвете, хмельной холодок,
Ломких листьев лощеная медь...
Как он тих и ухожен, чужой городок,
Где не выпало мне умереть.

* * *

Юрию Смирнову

На Сен-Мишеле проживает бог. Он каждый вечер –
в тесной кабачке; с ним сонный и рассеянный буль-
дог на старом, но надежном поводке. Ты бога отыс-
кал уже давно, но зря садишься на соседний стул:

108

тебе поговорить с ним не дано, тебе гарсон об этом
намекнул – тот, что на фоне столиков пустых листа-
ет что-то вроде «Фигаро» и вовсе не нуждается в тво-
их три раза пересчитанных еврб. Он тоже ищет ис-
тину свою и заполняет цифрами купон – а бог, дове-
рясь давнему чутью, подсказывает что-то про
«Лион»... Бульдог косится на тебя, клыкает, а бог с
гарсоном спорят про футбол, и бог тебе автографа
не даст, и из подвала ты выходишь, зол, в безбож-
ную парижскую жару: приезжий варвар из страны
берлог... А завтра – рейс обратный поутру. Туда, где
тоже проживает бог.

СТАРЫЙ МОТИВ

Трубачи убрали трубы в кладовые,
Дремлет пыльная заброшенная медь;
Старых схваток громовые рядовые
Позабыли про умение греметь.

Барабанщики боятся растревожить
Барабанов похороненный раскат,
Никого и не мечтают обнадежить,
К звонкой коже прикоснуться не хотят.

А по трассам проезжают генералы,
Словно всадники Последнего Суда,
И грядут вослед сигналам – трибуналы,
Как за вторником последует среда.

109

Не надейся, что спасительное «вето»
В звуках труб и барабанов прозвучит, –
Не услышишь ни фагота, ни кларнета,
Барабанщик под окном не простучит,

Будни серые не сменит воскресенье,
Не поможет пустозвон и пустослов...
Но надежду принесет нам и спасенье,
Выйдя с дудкою заветной, Крысолов.

* * *

В слове «правда» мне виделась правда сама.

А Тарковский

Долго верил, что в буквах – само естество,
Что в звучании слова – значение его.

Только жизнь научила судить по делам:
Буквы – вроде оберток, обманных реклам.

До чего неверны и обманны слова!
«Правота» – только звук; правота – неправа.

Как добраться до сути в словах, в голосах?
Нет в «ответе» ответа, небес – в «небесах».

Лишь у «злобы» все буквы, как будто клыки,
Лишь «улыбка» улыбкой глядит со строки...

110

КАРТОННАЯ ИСТОРИЯ

Громко в картонные трубы трубя...

Б. Окуджава

Фальшивили, слюнявили, гнусавили,
Твердили обязательный урок,
И трубами картонными восславили
Картонный разукрашенный мирок.

И трубы исполняли предписание,
Взывая, лепеча и грохоча, –
Но загорелись трубы от касания
Обычного весеннего луча.

Дуделки обгоревшие зловонные
Растоптаны разгневанной ногой...
Дурилки простодушные картонные
Один картон сменили на другой.

Объекты поклонения муляжные
Расставлены по весям и лесам,
Изделия всё те же картонажные
Направлены к картонным небесам.

Трембиты дружно грянули белугами,
Волынки взвыли, выстроившись в ряд,
Картонными токкатами и фугами...
Но трубы, как и прежние, горят.

111

ЧУЖОЙ ПИР

Мы втянуты в невнятную игру
По правилам плохой драматургии.
Куда же нас призвали всеблагие?
У нас похмелье во чужом пиру.

Вранье, что мы на пир приглашены!
Не хочет Геба нам наполнить чаши...
Бессмертным безразличны судьбы наши,
И мненья наши тоже не нужны.

А мы глядим в растущую волну
Идей ничтожных и жестокой смуты
И ждем спокойно роковой минуты,
У старого пророчества в плену.

И, подведя под гонором черту,
В своей высокой роли разуверясь,
Мы видим, как густеющая серость
Всё больше переходит в черноту.

* * *

Никогда не современны, от успеха вдалеке;
Наша участь неизменна, но висит на волоске.
Нет движенья по спирали, только по цепи кругом –
Ни построить вертикали, ни проехаться катком...

112

Наше странное мышление современно, словно
«ять».
Наша жизнь – не представленья. Ни представить,
ни предстать.
Неуменье жить на свете, неверчение столов...
Вот такие наши сети. Вот такой у нас улов.

НЕВЕДОМАЯ СТРАНА

Не надо ходить на поклон к волхвам, чтоб тайну
раскрыть одну:
Мы оставляем своим сыновьям неведомую страну –
Страну, в которой закончится нефть, а позже
закончится газ,
Страну, где такое надо уметь, чему не учили нас,
Страну, где будет много сует, где роскошью станет
покой,
Страну, в которой призрачный свет люди тронут
рукой,
Где выйдет из нынешних планов пшик, обманут
страницы книг,
Где будет – на миг – один временщик, а после –
другой на миг.
Мы детям своим оставим страну, судьба которой
темна...
Они не поставят нам это в вину; и наша ли это
вина?
Мы остановимся на рубеже, не увидим, что будет
потом...
А дети смело входят уже в этот загадочный дом.

113

7. ЗВЕЗДНОЕ СИЯНИЕ

КУБИЗМ

Огромный куб, где мы заключены,
Глядит шестью квадратами во тьму.
Так видится наш мир со стороны
Тем, кто снаружи. То есть – никому.

Для нас же намалеванный квадрат –
Как черное бездонное окно.
На нем – светил властительных парад,
И только Солнце – слабое звено.

Ночное небо – чудо в решетке,
Там повесть сокровенная видна:
В упругой бархатистой темноте
Прорезаны чудные письма.

Когда прочтет случайный звездочет
Небесное резное решето,
Тогда повыше кубик зашвырнет
Тот, кто снаружи. Стало быть – никто.

114

ЗВЕЗДНАЯ МЕЛОЧЬ

Есть в небесах сложившийся обычай:
Не каждый день, но много раз в году
Какой-нибудь напившийся Возничий
Роняет с неба мелкую звезду.

Такое происходит постоянно:
То кошелек дыряв у Близнеца,
То мелочь выпадает из кармана
Спешащего за Голубем Стрельца;

Порой Индеец по пути к Индейке
Свои гроши роняет в никуда...
Она не стоит ломаной копейки,
Дешевая разменная звезда.

Я эту мелочь ночью собираю
И в закрома сыпая поутру,
Частенько достаю и протираю,
А иногда – с собой ее беру.

Она в кармане грузом бесполезным
Слегка лучится и звенит слегка...
Такую мелочь не подашь «неместным» –
Швырнут тебе в лицо наверняка,

С такой казною не зайдешь в пивную,
Валюту за нее не продают...
Я звездами свою тропу ночную
Отмечу. Может, птицы не клюют.

115

* * *

Нет, всё неплохо под Луной:
И лик насмешливый Луны,
И мир просторный остальной
Мы видим с лучшей стороны.

Но кто-то вздумает тряхнуть
Давно забытой стариной –
И повернется Млечный Путь
К Земле другою стороной.

И станет прежняя беда
Для нас пустою ерундой,
Когда уставятся сюда
Светила стороны худой.

МАРСИАНЕ

Давно уже явились марсиане!
Их корабли стоят на полюсах,
Их станции сокрыты в океане,
В бразильских неизведанных лесах.

Скопили денег, обросли чинами,
Набрались человеческих идей:
Они как люди ходят между нами –
Совсем неотличимы от людей.

116

Они – прогресса двигатель земного,
От них – и паровоз, и «Аполлон»,
И вовремя подсказанное слово,
И вовремя подсунутый фасон.

Но нет, совсем не даром помощь эта!
Они не знают, что такое «дар»,
И продают на некую комету
По-браконьерски забранный товар.

Они творят работу воровскую –
И очень уж разборчив супостат:
Не хлещут марсиане кровь людскую,
Желудочного сока не хотят.

Они планету зорко озирают –
И в корабли к себе на полюса
Всю доброту злодейски забирают,
И детский смех, и веру в чудеса.

Но стала плохо заполняться тара,
И грузовые емкости пусты:
Всё меньше, меньше на Земле товара,
Всё меньше смеха, веры, доброты.

И скоро с марсиан спадут личины!
И главный вор на главном корабле
Нажмет на кнопку. Загудят машины,
И марсиан не станет на Земле.

117

Окрасят небо ярче всех рубинов
Огни судов – и скроются вдали...
Куда они отправятся, покинув
Пределы обворованной Земли?

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Среди ночной дурманящей дремоты
Творятся вопреки любым буранам
Летающих тарелок перелеты
Из северного края к теплым странам.

Гонимые холодными ветрами,
Летят они упрямо и бессонно,
А мы, ложась в постели вечерами,
Не слышим их курлыканья и звона.

Летят они на юг широким клином,
Мигая бортовыми огоньками,
С достоинством, величием орлиным,
Над городами и над городками.

Судьбинами нездешними гонимы,
Округлые хранители секретов
Несутся, неопознанные, мимо
Обыденных закатов и рассветов.

В край тридевятый или тридесятый
Летит инопланетная посуда,
А впереди испытанный вожатый –
Летающее флагманское блюдо.

Когда ж лучи весенние прольются –
Помчится вспять загадочная стая,
Чтоб появились маленькие блюдца
В секретном цехе северного края.

РАЗЛОМ

В чернеющем чреве чащоб
Навеки рассвет заплутал.
Налево слепит белотроп,
Направо мрачит чернотал.

И славится светлый чертог,
И злобится черный острог;
Налево – царит Белобог,
Направо – чудит Чернобог.

А птица взмахнула крылом,
Вспорхнула к слепым куполам...
Невидимый злобный разлом
Рассек целый мир пополам.

Затерянный луг запустел,
Навеки залег в полусон;
Про то, как отцвел чистотел,
Былинки поют в унисон.

Проходит времен череда,
Горят за горою костры.
И можешь сказать: навсегда,
Но лучше скажи: до поры...

* * *

Берег млечной нескончаемой реки
Весь в зияющих прорехах альф и бет,
Словно в древности нетрезвые стрелки,
Как в копеечку, палили в черный свет.

И сквозь дыры виден купол золотой –
Тот, что выше, чем пробитый черный свод;
Он лучится недоступной высотой –
Той, что выше продырявленных высот.

Горизонта грязноватая межа
Вся истрепана до ниток на ветру...
Свет струится сквозь пробоины, дрожа,
Словно дождик, что закончится к утру.

ПРОЩЕНИЕ

Сидит он ежедневно дотемна
В одном из тихих ангельских цехов,
Работа у него всего одна –
Прощенье человеческих грехов.

Печально он глядит на нас с высот,
И труд его – прямое мотовство:
За каждый грех частицу отдает
Бесценного бессмертья своего.

Бедняга и поник, и полинял,
Работая по дням и по ночам,
Давно свое бессмертье разменял:
Растратил за грехи по мелочам.

Уходит лет дарованных запас,
И каждый год – как будто мелкий грош.
Всё больше он теперь похож на нас.
Всё менее на ангела похож.

И вскоре он смешается с толпой
На пыльных плащаницах площадей,
Пройдет людской недолгою тропой,
Прощая прегрешения людей.

ЭПИЗОД С АНГЕЛАМИ

...два Ангела, упавшие в рассвет..

Т. Осетрова

Прошу, не огорчайся. Улыбнись.
Взгляни на солнце, заслонясь рукою...
Два ангела, покинувшие высь,
Отправились дорогою людскою.

В глазах их были радость и испуг,
А после – бесконечная досада,
Что нету человечности вокруг,
И, значит, людям ангельства не надо,

Что всюду длится тягостный обряд
Неверья, лицемерья, суеверья...
Два ангела озябшие глядят
С тоскою на растерянные перья.

Что ж – путь наверх заказан навсегда,
И им тепла отныне не изведать?..
Ты улыбнулась. Значит, не беда;
Мы ангелов зовем к себе обедать.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В печали и в слезах соленых,
Короткохвост и желторот,
Бежит озябший дьяволенок
Вдоль переулков и ворот,

За шалость изгнанный из ада,
Где славно булькает смола...
Ему тепла людского надо,
Раз нету адского тепла.

Хоть нет души у дуралея –
Но как душа его болит...
И он к согретой батарее
В подъезде жметесь и скулит.

* * *

Как жили дикари в пещере? У них на стенах были звери, для поклонения предмет. А в чем причина поклонений? О, много было откровений и убедительных примет. Никто в то время не кумекал, что просто сборище молекул – всё то, что видим под лунной, а разум, совесть и стремленья – всего лишь странные сцепленья одной молекулы с иной... По-человечески понятно – искать того, кому приятны и песнопения, и лесть, искать владельца полномочий – и мнить, что мир еще жесточе, чем он на самом деле есть.

* * *

Догорает зеленый свет... Пепелище дымит слегка,
И ленивая желтизна подползает из-за угла.
Догорает зеленый свет, надвигаются облака –
А растроченная казна всё же кажется тяжела.

Звонко шелкает турникет. Под ногами – осколки
льда.

И не видно своей руки, что протянута через чад.
Догорает зеленый свет. Коготок увяз навсегда,
И желтеющие зрачки из угла глядят невпопад.

И всё гуще хвосты комет заполняют туманом сны,
Не читаются строки вслух, не сбывается встреча
рук...

Догорает зеленый свет – будет краток миг
желтизны –

И недобрый красный петух возвестит,
что окончен круг.

НОЧЬ

Мир, в котором слегка набекрень полюса,
Проступает из-за кулис:
Кто-то гвозди вразброс вколотил в небеса
Золотыми шляпками вниз.

124

Устремляя глаза к небосклонным вестям,
Не желая мирно заснуть,
Мы хотим прочесть по случайным гвоздям
Мирозданья главную суть.

Но значения нет в золоченом письме,
Недоступна добрая весть,
И теряется взор в окружающей тьме...
А надежда всё еще есть.

* * *

Откроешь дверь – ночь плавает во тьме,
и огоньком сияет на холме
ее густой, благоуханный холод.
Два счастья есть: паденье и полет.
Все – странствие, тончайший звездный лед
неутолимим жерновом размолот...

Б.Кенжеев

Меж днем и ночью есть такой зазор,
В который не пройдет ночной дозор, –
Он разделит враждебные владенья.
Два счастья есть: надежда и покой.
В полете нет утехи никакой –
Он слишком близкий родственник паденья.

125

Всегда карать готова высота,
Бессмысленна высотная тщета,
Тяжел заатмосферный поиск бога;
И только поиск родственной души
В цене поднимет жалкие гроши
Грядущего вечернего итога.

И не найдешь, моления шепча,
След путеводный вышнего луча,
Хоть и разбей всё небо на квадраты...
И взгляд бросай пореже на луну:
Ее для неба сделали одну,
А кто один – всегда гонец утраты.

Меж днем и ночью путь закрыт пока,
И даже жизнь не так уж коротка,
И лето дарит теплую погоду.
Два счастья есть: надежда и покой.
И звездное сиянье над рекой
Осыпалось пылью в парную воду.

8. ДОСУЖИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

МАСКИ

Люди надели маски, словно на Рождество.
Тихо шуршит от тряски серое вещество.
Некуда ставить пробы, нет ни на ком креста –
Но и под маской злобы прячется доброта.
Но и под скучной маской – как под водой песок –
Жалость, дрожа, с опаской, грустно глядит
в глазок...

В каждом ответе – прочерк. Каждый протест –
немой.

В масках, не видя прочих, люди бредут домой,
Пряча свое святое, сжав параллели губ,
С тайною доброю, верой, надеждой, люб...
...Стоп. Ну а как иначе? Что же я зря ворчу?
Всех полюбить – задача, смертным не по плечу.
Мчатся машины с визгом, лужи дрожат, рябя.
Люди стремятся к близким, чтобы открыть себя.
Вечер густеет вязко. Светит на стенке бра...
Каждый снимает маску. В шкаф ее – до утра.

ДЕФОЛТ

А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!

А. Галич

Мы в долгу как в шелку: прегрешений не счесть;
Отдаем понемногу, слегка.
А отдача долгов всех, которые есть,
Растянуться могла б на века.

Несчислимо грешны и низы и верхи:
Мотовство; плутовство; шутовство...
Что же будет расплатой за эти грехи?
Ничего. Ничего. Ничего.

Совесьть в пятнах – иль вовсе как сажа бела;
Невозмездна любая беда.
Так когда же расплата за эти дела?
Никогда. Никогда. Никогда.

Смотрит солнечный глаз, равнодушен и желт,
Свысока на страстей кутерьму..
А в назначенный час мы объявим дефолт
И уйдем, усмехаясь, во тьму.

128

ВЕРИГИ УТРЕННИХ ТУМАНОВ

Накопилась в карманах у нас ерунда:
Номера телефонов, ключи, амулеты...

Ю. Издрык

Нас прижимают к тротуару
Вериги утренних туманов –
Высокопарно поднят ворот,
Опущен утомленно взор.
Несем заслуженную кару
За содержимое карманов,
И в наш благословенный город
Никак не едет ревизор.

И, подойдя к закрытой двери,
Мы подбираем амулеты –
Но амулеты устарели,
Как заржавевшие ключи.
Дается каждому по вере:
Тут контрамарки, там билеты,
Кому-то светлые апрели,
Кому-то сытные харчи;

Кому-то вовсе не дается –
Нет ни гостинца неземного,
Ни от природы подношений:
Наверно, кончились давно.

129

А время все-таки не рвется,
Оно упрямо и сурово:
Мы сами, не боясь лишений,
Соткали это полотно.

БЕЗЫМЯННОСТЬ

А кто же мы? И что нам снится?

Б. Кенжеев

Не поддаемся суматохе,
И нас совсем не бременит,
Что в этой суетной эпохе
Никто из нас не именит.

Вот без имен остались снова...
Но для чего нам имена?
Ни делу нашему, ни слову
Не прибавляется цена,

Зато лицо – без лицемерья,
Суп в котелке – без топора,
И с нами вера и безверье,
И завтра с нами, и вчера,

Весна, рожденная в неволе,
И запах утренних хлебов...
А снятся нам былые боли
И небывалая любовь.

130

БЛАГОДАТЬ

Осыпаются листья с ветвей золой,
Кукушонок притих в гнезде,
Ибо некому шефствовать над землей
Или шествовать по воде.

Но побеги поднимутся из золы,
Кукушонок освоит счет,
И от ветра в лесу зазвенят стволы,
И смола по ним потечет.

То ли сон, то ли правда на зависть снам –
Но придет пора награждать!
И, без всяких сомнений, наступит нам
Беспредельная благодать,

И в восторге поэт сочинит строку,
Подберет маляр колорит...
И кукушка подросшая скажет «ку»,
А заплатите – повторит.

НОЧНОЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Голодная черная стая слетелась без зова на снег.
Страницы метели листая, рука занемела навек...
Главе вороного дозора стучу я в ночное стекло –
От птичьего желтого взора мне взгляд отвести
тяжело.

131

Сияние снега – как искры сгоревших лучин!
Полночная Вега. Секреты небесных пучин.
Там капельки Леты – замерзшие – в этих снегах,
И, значит, секреты откроются только в стихах.

В стареющем мире все тайны былые смешны.
В подсвеченной шири – безмерная ясность луны.
Я взор поднимаю в колючее небо, к Ковшу.
Я всё понимаю. И что-то еще напишу.

Несутся куда-то послания и времена;
Друзей маловато – так, значит, им выше цена.
Вот ветка шальная опять постучала в стекло...
О Постум, я знаю: письмо до тебя не дошло.

Бессмертные боги! недолго уже до весны.
Какие итоги? Кому они, к чёрту, нужны?
Сейчас – передышка. Планеты взирают с орбит.
И плюшевый мишка на старой скамейке забыт.

УЧИТЕЛЬ

Мой старый учитель забытых времен,
Тебя вспоминаю сейчас:
Ты был многословен порой, но умен,
Зануден, зато седовлас.

Ты мне про дизел говорил и бемоль,
Учил меня ночи и дню,
Трисекции куба, деленью на ноль,
Земле, и воде, и огню.

Меня обучал ты худому добру
И вписывал в угол овал...
А я на урок приходил поутру –
И к вечеру всё забывал.

Мне вспомнить науку твою тяжело;
Из невода выпал улов,
Немало по рекам воды утекло
И в воздухе сгнуло слов.

Мой старый учитель на все времена,
Твоя ли, чужая вина:
Наука твоя оказалась верна,
Но всё же – совсем не нужна.

Осталось напрасным твое мастерство...
О прошлом не слишком скорбя,
Я всё вспоминаю тебя – оттого,
Что не было вовсе тебя.

ФИЛОСОФИЯ – БЕСПОЛЕЗНА

Философия – бесполезна. В ней никчемная
тонкость чашки,
Размалеванной по-китайски и давно потерявшей
ручку.
Надо бросить это занятие и «Кристаллу» налить
в рюмашки:
Ведь не чаем из битой чашки отмечать мы будем
получку?

Философия – как наркотик. Отвлекает от жизни
бренной
И уносит куда-то в дали, за пределы быта
людского...
Но ее чудных категорий не бывает в нашей
Вселенной,
А ненашей Вселенной – нету; пусть дурят кого-то
другого.

Мы привычно не спим при свете, мы обыденно
спим во мраке,
А всю правду о нашей жизни нам приносят
телеэкраны.
Есть сегодня, а будет – завтра. Остальное – пустые
враки.
Философия – нестерпима. А философы –
шарлатаны.

Их досужие размышленья и скучны, и всегда
некстати;
Не спасут от привычной боли, не дадут утешенья
нищим.
Мы откроем книжную полку, и раздвинем
книжные рати,
И увечной чашечке место там, у вечной истины,
сыщем.

* * *

Своим печалям не переча, не сплю с заката
до утра;
Под сень обманных сновидений не вижу входа
до поры.
Несвоевременная встреча... Непокоренная гора...
Без столкновений и без трений по склону катятся
шары,
Сметая памятные вехи, считая ложные очки;
Захлопнут въезд, распахнут выезд, не состоялись
чудеса.
В небесном куполе прорехи, наотмашь колотятся
сучки...
Роса глаза мои не выест. Такая добрая роса.
К чему перебирать минуты, когда отмерены года?
Вся жизнь – бессменные цейтноты, размен
истрепанных минут...
Но затихает почему-то воспоминаний чехарда.
Вступаю я в круги дремоты. Надежду оставляю тут.

МЕЖ СКОРПИОНОМ И СТРЕЛЬЦОМ

День угасает, словно спичка, не дав ни света,
ни тепла.
Гудит за лесом электричка из предыдущего числа.
Игра давно сползает к пату, дрожит от холода
фонарь,
Никак не переменит дату григорианский
календарь.

Непререкаемое ретро, бессрочный кругооборот...
Сор разлетается по ветру, его никто не соберет.
Закрыты намертво ворота, сгустился воздух
у черты,
И тишина звучит как нота среди прозрачной
темноты.

Так сколько же осталось длиться незавершенному
числу?
Прижались зябнущие лица к заледневшему
стеклу...
Мы грезим о забытой сини и бредим дальним
бубенцом –
И увязаем, как в трясине, меж Скорпионом
и Стрельцом.

* * *

То выключится солнышко, то включится;
иной, бывает, на ошибках учится –
а мы всё кроем происки судьбы...
Неужто и узнать нам не получится:
так как же вышло то, что мы слабы?

Слабы, как будто в сельве бледнолицые,
гонимы властью, пуганы милицией;
стоим, в руках платочки теребя...
Есть многое на свете, друг Симплицио,
что не дойдет вовеки до тебя.

На нас, собравшись, навалились кучею
и улицы, безропотно текучие,
и вечно безнадежные пари,
и лозунги обыденно-трескучие,
и тусклые ночные фонари,

и все проблемы – тайные и явные,
и повороты – резкие и плавные,
и время, что потрачено вотще,
и люди, многосильные и главные, –
которые не люди вообще.

Мы им по гроб обязаны неволею
и вечной, неизбывною недолею –
и нет вопроса, добрый мой простак.
Бином Ньютона – не загадка более,
хоть и старался старый Исаак.

* * *

Ветер хлещет по лицам горелой листвою,
Не поднять под огнем головы...
Ежедневно долги возвращаю с лихвой –
Но надолго ли хватит лихвы?

Прошуршит перелетною птицей луна,
Облака за окном промелькнут...
Разве жизнь для того и дана, и длинна,
Чтобы гнаться за парой минут?

Не проси и не верь, заруби на носу –
И привычно тряхни сединой...
Позабывтая ягода в зимнем лесу
Плачет горькой слезой ледяной.

* * *

Слова не стбят ни чернил ни свеч,
Они росой падают в песок,
И вьется сквозь темнеющий лесок
Извилистой тропой прямая речь.

Наш дом скрипит, как старенький ковчег.
Спустился вечер... Ночь недалеко...
Но мы вдвоем. Навек или пока?
Наш век недолог. Стало быть, навек.

140

* * *

Любой порядок на земле обязан кончиться.
Промчится ведьма на метле, лихая гонщица,
Замашет девушка веслом, взревут будильники,
Невзгоды встанут за углом как собутельники,
Заполонятся города листвою зыбкою,
И в каждый дом войдет беда с кривой улыбкою.

Придет расплата за дела и за безделицы,
Придет и сядет у стола (что канителиться?),
Составит опись, протокол, постановление
За недосол и пересол – без сожаления,
Потом пойдет в соседний дом, железом звякая...
А мы замок за ней запрем. Видали всякое.

141

ЕЩЕ ШАГ, ЕЩЕ ДВА...

Судя по тому, что Сергей Шоргин начал писать под пятьдесят (а сейчас, еще и до пенсионного возраста не дотянув, издает вот уж которую книгу), – в поэзии времени приступания к перу особого значения не имеет. С. В. Шервинский на моей памяти сожалел, что ему не шестьдесят и не семьдесят, а то взялся бы за всё сначала. Крупнейшая русская поэтесса Израила С. А. Погреб писать стихи стала лишь в шестьдесят, недавно отпраздновала 25-летие творческой деятельности и продолжает писать, никак не снижая уровня полета своей поэтической музыки. На их фоне Сергей Шоргин более чем молод, – даром что по жизни давно уже дедушка, как и автор этих строк.

Шоргин известен как поэт, переводчик, драматург (вроде бы еще и как математик? но это, надо полагать, из области хобби), притом давно и прочно занимающий место на книжных полках, попадая во многие антологии. Он – из круга поэтов литературного направления, которому никто не давал названия и не писал манифестов, но за которым между тем прочно укрепился термин «Новый Серебряный Век». Что это такое – столь же трудно понять и сформулировать, как трудно было понять это применительно к «Старому Серебряному». По одной из наиболее убедительных теорий, это вообще не два явления, а одно, растянувшееся во времени более чем на сто лет, прерывавшееся чисто искусственно, но словно река из-под льда или из-под земли, вновь и вновь стремящееся к поверхности. По крайней мере старшим представителям Нового Серебряного века хотя бы на личном уровне еще довелось пообщаться с младшими долгожителями Старого.

Это не шутка истории; это весьма обязывающий факт. Там, где одним мерещатся в эпохе Ренессанса элементы рабского подражания античности, другим видны мощные опоры традиции, и Древний Рим императорской эпохи смыкается с «Римскими Древностями» Жоашена дю Белле, чтобы плавно перешагнуть века и отпечатлеться в «Римский сонетах» Вячеслава Иванова вокруг года смерти которого (1949) рассыпаны даты рождения представителей того, что теперь называется в России Новым Серебряным Веком. Или тем его Сном, который синими с серебряным тиснением книжками Леонида Латынина, Ольги Кольцовой, Сергея Александровского, Максима Калинина (а на очереди еще не меньше десятка) появился на прилавках книжных магазинов. Это не просто поэты-классицисты (уж какой там классицизм в постмодернистской поэтике каждого второго из перечисленных), это традиционалисты в лучшем значении слова.

Сейчас, когда все яснее становятся нам очертания европейской (и неевропейской) поэзии последних столетий, все очевиднее, что пресловутый вопрос «рифмовать или не рифмовать» вообще не имеет значения. Античная латынь не знала рифмы; средневековая без нее жить не могла. Первые образцы русских и не совсем русских сапфических строф были оснащены рифмами, что было бы невозможно в античности. Выходят книги, наполовину состоящие из сонетов (а то и венков таковых), наполовину из стихотворений, написанных верлибром, и... мир не переворачивается. Катулла не стоит рифмовать в переводе лишь потому, что он не рифмовал свои стихи в оригинале; точно так же не стоит переводить без рифмы стихи кельтских поэтов, где рифма не исчезала почти никогда – и тоже только по той же причине. Потому, что нужды нет. Русский язык столь пластичен, что готов принять в себя почти любую поэтическую форму, а если нет возможнос-

ти писать одними лишь односложными словами (как это происходит в китайском) или строить стихи на чередовании долгих и кратких гласных, как это делалось в поэзии Древней Греции, – русский язык в состоянии сочинить свою собственную, убедительную, постоянную замену для таких форм.

Сергей Шоргин – звездочет вовсе не случайный. Он отлично знает, что невооруженному человеческому глазу на небесах двух полушарий доступны для созерцания менее четырех тысяч звезд, – вот и вся ослепительная красота ночных небес, которую мы видим над собой и не перестаем ею восхищаться (поклон профессору Канту), а слов и образов в нашем распоряжении куда как больше. Именно этот инструментарий и пускает в дело Шоргин, берясь за перо, – ладно, будем честны: сядя за компьютер, чтобы записать сочиненные в уме за день стихи. Сергей немало пишет, вызывая этим порою некоторую зависть у коллег, чьи встречи с вдохновением значительно более редки.

Эта «серебряная» книжечка, конечно, ни в малой степени не итог творчества Шоргина, но она – этап его. Этап серьезный, – такой, по которому однажды спросит с него отчета представительный бородатый мужчина с ключами у пояса. Кажется, уже сейчас Сергею есть, чем перед ключарем отчитаться. Но так же кажется мне, что не все ступени лестницы, ведущей к этим вратам, поэтом Сергеем Шоргиным пройдены теперь.

Есть смысл постараться и подняться еще выше на уровень или два. Не из спортивного интереса. А из тех соображений, что никакой этап для истинного художника не удовлетворителен, если есть еще силы для дальнейшего пути.

Евгений Витковский

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

1. ГРУСТНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

«То, что пишем, – это только предисловие...»	4
Посмотри в глаза прохожих	5
«Не соперник поэтической элите...»	6
«На небосводе – предрассветный глянец...»	7
Вдохновение	8
Волнолуние	11
Впечатление	11
«В сокровенную книгу войду, как в покой...»	12
«Коль занялся подобным ремеслом...»	13
Без повода	14
Литерная мгла	15
Полет	16
Живописцы	17
Эскиз	18
«Нам кашу незачем размазывать...»	19
Omnia mea mesum porto	20
Твой герой	21
Концерт	22
В залоге	22
Узелки на память	23
Кролик	25
Отлетевшему поэту	25
«Я не клянусь четой и нечетой...»	26
Уточнение ответа	28

«Сосна стучит в окно, не засыпая...»	29
«Легло на стол гусиное перо...»	30

2. ВРАТА ЗЕМНОГО РАЯ

Ответ на все вопросы	31
Эдем	31
Вечерняя песня	33
Нелюбовь	34
Другие паруса	34
Про Анну	
1. «Анна, он тебя не ждет...»	35
2. «Этот поезд... Найдется ли что-то летальнее?» ...	36
3. Вронский	37
«Я плющ срываю с посевших стен...»	38
Танго	39
Рассказ	40
Снежная Королева	41
А ты знаешь...	42
Нью-Москва	43
Ангел перекрестка	43

3. КРУГ НЕБЕСНЫЙ

«Струится талая вода...»	45
Зеленые дни	45
Мгновение	46
Перемена тематики	47
Июньский вечер	48
Средоточие небес	48
Лето	49
Соседский пес	50

146

«В кирпичной нише дачного камина...»	51
«Накинул вечер сумрачную шаль...»	51
«Здесь, то чернея, то сверкая...»	52
В саду	53
«Наливное закатное золото...»	53
Прощание	54
Сентябрьская дорога	55
Золотая осень	
1. «Под небом прежней синевы...»	55
2. «Я дни осенние листаю...»	56
«Мерцает холодеющий двурог...»	56
Осень	
I. «А за окном – кручина октября...»	57
II. «Я дверь балкона утром отопру...»	57
«Проснуться; осень проводить глазами...»	58
Холодная сюита	
1. Окно	59
2. Цепочка	59
3. Отраженный свет	60
«Баланс сердечного расхода...»	61
«В доме нет тишины...»	62
Белый огонь	63
«Забыто время волшебства...»	64
Февраль	65
Холодное время	66

4. ИНАЯ СКАЗКА

Мидраши о Божьем творении	
1. «Бог создал небеса из света...»	67
2. «Бог увидел, что Верхние Воды небес...»	68
3. «Бог создавал мириады миров...»	69
Каин	70

147

Одиссей	71
Инфернальный триптих	
1. «Лимб окружен исписанным барьером...»	72
2. «Харон сидит на пне вблизи ладьи дырявой...» ..	74
3. «Тяжелый путь проделан, наконец...»	75
Юлий Цезарь. Накануне мартовских ид.....	75
Торжище	77
Пилат	78
Незаписанная история	80
Ланселот.....	80
Утерянный монолог	82
Отравление. Альтернативная версия.....	83
Деревянная душа	85
Чернокнижник	86
Сова	87
Визит	88
Иная сказка	90

5. РЕАЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

«Снова в путь отправляемся на заре...»	91
Считалка	92
Чертополохи	92
Дорожное	94
«Есть краткий, неожиданный просвет тишины...»	96
Зелёный дом	96
Ветер	98
Navigare necesse est	99
Рубикон	10
Гость	101
В стекле	103
След надежды	103

148

6. НА РУБЕЖЕ

Сонная держава	105
Предчувствие	107
Городок карамельных домов	108
«На Сен-Мишеле проживает бог...»	108
Старый мотив	109
«Долго верил, что в буквах – само естество...»	110
Картонная история	111
Чужой пир	112
«Никогда не современны, от успеха вдалеке...»	112
Неведомая страна	113

7. ЗВЕЗДНОЕ СИЯНИЕ

Кубизм	114
Звездная мелочь	115
«Нет, всё неплохо под Луной...»	116
Марсиане	116
Летающие тарелки	118
Разлом	119
«Берег млечной нескончаемой реки...»	120
Прощение	121
Эпизод с ангелами	122
Печальная история	123
«Как жили дикари в пещере?»	123
«Догорает зеленый свет...»	124
Ночь	124
«Меж днем и ночью есть такой зазор...»	125

149

8. ДОСУЖИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Маски	127
Дефолт	128
Вериги утренних туманов	129
Безмянность	130
Благодать	131
Ночной летописец	131
Письмо не туда	133
Учитель	134
Философия – бесполезна	136
«Своим печалям не переча...»	137
Меж скорпионом и стрельцом	138
«То выключится солнышко, то включится...»	139
«Ветер шлещет по лицам горелой листвой...»	140
«Слова не стóят ни чернил ни свеч...»	140
«Любой порядок на земле обязан кончиться...»	141
<i>Е. Витковский. Еще шаг, еще два .....</i>	142

Шоргин С.

Ш79 Случайный звездочет: Стихотворения. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 152 с. (Сон Серебряного века).

ISBN 978-5-9796-0017-8

Сергей Шоргин (р. 1952) окончил МГУ, работает в Институте проблем информатики Российской академии наук. Пишет стихи и переводит иноязычную поэзию с 1999 года. Опубликовал несколько поэтических сборников, в том числе в издательстве «Водолей Publishers» – книгу стихов «Зеркало дороги» и книгу избранных поэтических переводов «Ворожба» (обе – в 2005 г.). Кроме того, имеются публикации в журнале «Крещатик», нескольких антологиях поэтического перевода, а также в Интернете. Новая книга Сергея Шоргина представляет читателю его избранные стихи, написанные в 2005 – 2007 гг.

ББК 84Р7-5

Шоргин Сергей Яковлевич
Случайный звездочет
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Подписано в печать 25.12.07. Формат 60х90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 4,75

Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а